ВАДИМ
ПАНОВ
ЧУДО(ВИЩЕ)
Литрес

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

К середине XXI века люди построили очень комфортный мир, гармонично сочетающий настоящее, виртуальное и дополненную реальность. Цифровые пространства стали местом отдыха, учёбы и работы. Люди проводят в Метавселенных так много времени, что начинают воспринимать их реальными, а в реальности всегда есть место необъяснимому. В реальности всегда есть место чуду, но можно ли наполнить Метавселенную подлинным волшебством? И сколько человек погибнет ради этого?

Цифровые пространства, дом с привидениями и кочующие по Европе племена тех, кто не желает жить по правилам агломераций – добро пожаловать в Будущее, которое мы заслужили…

- Вадим Панов
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7

Вадим Панов
Чудо(вище)

"Почему приходит жажда?"

Как ни странно, в первый раз Язид задал себе этот вопрос только вчера, на седьмой день плена. Съев очередную порцию еды – что это было: завтрак, обед или ужин, он не знал, поскольку в камере отсутствовали окна – молодой воин вдруг задумался: "Почему приходит жажда?" И не нашёлся с ответом.

Почему она приходит?

Почему она вообще стала появляться? Откуда взялась?

Жажда.

И как она связана с похищением и пленом?

Непонятно.

Сначала Язид не называл своё новое ощущение "жаждой". Он вообще никак не называл периодически накатывающие приступы ярости, запредельно бешеной ярости, требующей немедленного выхода.

Требующей убить.

Язид был воином и знал, что такое бывает: и в бою, и просто так, потому что настало время. Ну а то, что объектом его неистовства становились случайные люди, Язида вообще не волновало – сами виноваты, не нужно было оказываться на пути. Он был воином и плевать хотел на то, что кто-то попал под горячую руку, а раз попал – сдох. Так и должно быть. Так и было: в первый раз Язид убил и сразу же об этом позабыл. Убил – и убил, захочу – убью ещё. Когда же ярость накатила в следующий раз, Язид вновь ей поддался, поскольку невозможно было не поддаться, и убил, поскольку невозможно было не убить. И снова – первого подвернувшегося под руку человека, незнакомого и невооружённого. Снова убил, но затем, успокоившись и погасив чужой кровью полыхавшую внутри ярость, неожиданно задумался над странным вопросом: «Почему?» Странным, потому что никогда раньше Язиду не приходило в голову задумываться над тем, почему ему хочется убивать. Захотелось, значит, захотелось. Он – воин, он поступает так, как считает нужным. И вот, такая неожиданность – задумался.

«Почему мне захотелось его убить? Почему я его убил?»

Откуда взялась та дикая агрессия, заставившая Язида наброситься на невысокого парнишку, которого втолкнули в его камеру? Настолько робкого парнишку, что он даже не рискнул отойти от двери – жался рядом, со страхом разглядывая

прикованного к стене Язида. Парнишка не выглядел опасным и явно не представлял угрозы, Язид хотел расспросить его, узнать, что происходит на территориях, не забыло ли племя о пропавших? Ищут ли? Но когда автоматические замки щёлкнули, освободив руки и ноги, на Язида накатила бешеная ярость, совладать с которой он не мог. Да и не хотел. Атаковал парнишку, удовлетворяя возникшую жажду, и лишь потом, усевшись в углу, покрытый кровью и довольный, как насытившийся зверь, Язид задумался о случившемся. Не отмахнулся привычно: «Убил и убил», а задумался, потому что осознал, что изменился. Сильно изменился. Ведь даже это убийство… Сначала всё шло привычно: Язид набросился на парнишку с кулаками, сбил с ног, ударил несколько раз ногой… в обычном случае продолжил бы бить, целясь в голову, сейчас же, после двух или трёх ударов, Язид почувствовал, что ему нужно другое. Совсем другое. Убить, но не так. Не забить до смерти, а разорвать жертву, чтобы попробовать её кровь на вкус.

В буквальном смысле.

И тогда же Язид почувствовал, что у него выросли клыки – острые, звериные клыки, которые он с радостным восторгом запустил в шею жертвы. Разорвал плоть. Впился в артерию, с рычанием вытягивая из парнишки жизнь.

Он изменился.

Нет – его изменили!

Проклятые обитатели Шабах сделали операцию, после которой Язид целый день не мог пошевелиться и мучился, потому что всё тело сильно чесалось. Ещё ему обрили волосы и голова два дня была перебинтована, но когда повязку сняли, Язид, как ни старался, не нашёл на голове шрамов. Голова, как голова, только бритая. Вот после той операции и появилась жажда. Нет, не сразу после неё – ещё ему надели плотно облегающие голову очки, которые Язид не мог снять… или снял? Были ли очки? Сейчас Язид их не чувствовал, но при этом признался себе, что не уверен в том, что происходит. Он давно перестал понимать, где правда, а где ложь. И точно знал одно:

– Я вас ненавижу! Ненавижу!

Получилось так, что в это мгновение пленник смотрел прямо в объектив одной из видеокамер, его лицо было взято крупным планом, а фраза прозвучала громко и отчётливо.

Но не произвела на зрителей впечатления.

– Ничего не получается, – произнёс тот, кого Язид ненавидел больше всех. – Современные нейрочипы не настолько совершенны, чтобы управлять эмоциями. Без наркотиков этот зверёныш не прикоснулся бы к мальчишке, скорее, стал бы его

расспрашивать о происходящем на воле.

– Это естественная реакция для пленника, милорд.

– А естественная реакция нормального человека на улице – идти по своим делам, а не набрасываться на окружающих, чтобы выпить их кровь. Нам же нужно другое.

– У нас есть запасной вариант.

– Который теперь стал основным.

– Да, теперь он стал основным.

Тот, которого Язид ненавидел больше всех, не чувствовал раздражения или злости, внутренне он был готов к провалу плана «А», поэтому ощутил лишь лёгкую грусть.

– Жаль, что из-за несовершенства современных технологий мы вынуждены трансформировать блестящий и очень красивый замысел. Это даже смешно: учёные собираются устроить постоянную автоматическую станцию на орбите Юпитера, но при этом не в состоянии заставить тупого громилу впасть в неистовство по приказу из нейрочипа. В жизни этого дебила существует всего два эмоциональных показателя: «дикая агрессия» и «безразличие», и мы не в состоянии щёлкнуть тумблером. – Он брезгливо посмотрел на монитор, демонстрирующий общую картинку камеры: перепачканный кровью Язид, понуро сидящий около убитого парнишки. – Вся жизнь ублюдка заключается в примитивных сигналах: «хочу жрать», «хочу спариваться», «хочу убивать». Почему мы не можем его заставить делать то, что нам нужно?

– Да, он примитивен, а мы всё равно не можем на него воздействовать. Если же объектом станет существо с более развитым мозгом…

– Мы говорим о ливерах[1], откуда у них развитый мозг? – перебил собеседника тот, кого Язид ненавидел больше всех на свете. Помолчал и чуть спокойнее продолжил: – Поскольку запасной вариант стал основным, проблема преодоления систем безопасности выходит на первый план.

– Специалист уже едет.

– Хороший специалист? Мне нужен лучший, самый лучший.

– Хороший. Поверьте, милорд, она очень талантлива и досконально знает интересующую нас область цифровых технологий.

* * *

«Работай там, где живёшь! Это комфортно, удобно, выгодно!»

Зачем тратить время на дорогу, если его можно потратить на

что-то важное: провести переговоры, пообщаться с друзьями, посмотреть фильм или поиграть? Время дорого и у тебя есть масса возможностей, чтобы убить его с удовольствием, а не угробить в вагоне электрички, проходящей через сектора гигантской агломерации.

Работай там, где живёшь. А ещё лучше – там, где спишь. Не перегружай муниципальный трафик, помоги агломерации сэкономить на новых вагонах. Дай заработать создателям игр и фильмов, и владельцам увеселительных заведений. Зачем куда-то ездить, если всё, что нужно для жизни, дроны-курьеры привезут в твою квартиру. Больше напоминающую капсулу с широкополосным каналом в бесконечную Сеть.

«Работай там, где живёшь!»

Поэтому муниципальные электрички переполнялись только по утрам и вечерам: когда обитатели окраин отправлялись на работу в Сити – достаточно высокооплачиваемую, чтобы не жалеть о времени на дорогу, но недостаточно высокооплачиваемую, чтобы позволить себе капсулу в центре. Днём же, несмотря на то, что их количество резко сокращалось, электрички ходили полупустыми, поэтому Шанти избежала толкотни и духоты, и всю дорогу сидела у окна, бездумно разглядывая классический пейзаж гигантской агломерации: стены-окна-стены-окна и редкие просветы между домами. Пейзаж начался сразу, едва электричка покинула подземную станцию в Сити, и не менялся по мере приближения окраины окраины. Стены, дома, редкие просветы. И всего три человека в вагоне, двое из которых то и дело бросали на Шанти заинтересованные взгляды. Внимание не вызывало удивления, учитывая, что выглядела девушка необычайно привлекательно: при невысоком росте, Шанти обладала женственной фигурой с упругими, ярко выраженными округлостями, а благодаря постоянным тренировкам, каждое её движение переполняла живая, природная энергия. Чёрные глаза, прямые чёрные волосы, подстриженные коротким каре, смуглая кожа, резко очерченные губы – прекрасные в улыбке и манящие к поцелуям. Шанти приковывала мужские взгляды, и мысленно порадовалась тому, что эти двое едут не вместе – иначе бы точно подошли предложить «приятно провести время». Впрочем, нет, вряд ли. Эти ливеры мужественно выглядели лишь через AV-очки[2]: «оболочки[3]», которыми они изображали себя в дополненной реальности, были подтянутыми и спортивными, а сняв очки, девушка увидела пивные животики, дряблые руки, торчащие из-под коротких рукавов несвежих летних рубашек и небритые одутловатые лица любителей дешёвого уличного фастфуда. Глаза скрыты за AV-очками,

разумеется, затемнёнными, но Шанти знала, что не увидит во взглядах уверенности. Вообще ничего не увидит, кроме тени похоти, заставляющей их глазеть на красивую попутчицу.

Нет, не подойдут.

И это хорошо, поскольку девушка не испытывала желания ни общаться с ними, ни отшивать.

Не подошли.

Даже на конечной ни один не рискнул завязать разговор, хотя платформа оказалась пустой и никто не мешал хотя бы попытаться познакомиться с понравившейся девушкой. Отвернулись и быстрым шагом отправились по своим делам. Шанти же повесила на спину рюкзак, спрятала AV-очки и неспешно вышла на площадь перед станцией. Тоже почти пустую.

«Работай, где живёшь!» А лучше – где спишь. С развитием Метавселенных почти вся деловая активность переместилась в сеть, а работа – в капсулы, которые ливеры называли квартирами и даже домами. Кресло или диван, AV-очки и курьеры, в большинстве своём – дроны, доставляющие в капсулы всё необходимое – вот и вся жизнь. Если погода позволяла, некоторые выходили работать в парки и скверы, валялись на травке, глядя на мир через сетевое подключение, но таких было меньшинство. Ведь выход в парк требует усилий, гораздо проще остаться на диване и «поваляться» на травке в Метавселенной, испытывая все те же ощущения, что и от настоящего выхода на природу. Получить набор эмоций без лишних усилий.

Людей на улицах стало очень мало, а вместе с прохожими постепенно исчезала и уличная преступность: во-первых, мало кто мог позволить носить на себе дорогие украшения, а при себе – наличные; во-вторых, вокруг полным-полно дронов и следящих видеокамер; в третьих, и это было самым главным – людей на улицах стало очень мало. С другой стороны, любой окраинный сектор агломерации опасен для чужаков: на них могли напасть не с целью ограбления, а потому что они – чужаки. На окраинах агломераций давно сформировались этнически однородные зоны, и Шанти, хоть и смуглая, но с явно европейскими, а не восточными чертами лица, да к тому же одетая не по предписанным нормам, оказалась в роли потенциальной жертвы. Она, конечно, не собиралась заходить в подъезды или заведения, не думала, что на неё нападут на улице, однако неприязненное внимание ощутила. Занервничала, но виду не показала, нельзя, ведь если дрогнешь – рядом молниеносно сформируется небольшая стая желающих изнасиловать «неверную». Поэтому Шанти не показала. Спокойно прошла по тротуару, выискивая взглядом Адару, но прежде подруги наткнулась на патрульную

машину Департамента социального согласия, контролёр которого стоял рядом и медленно жевал кебаб, равнодушно разглядывая прохожих. Равнодушно и очень спокойно, поскольку его безопасность обеспечивало не менее семи дронов, в том числе – ударный, вооружённый пулемётом и готовый расстрелять любого, кто проявит агрессию к представителю власти. Дроны, видеокамеры и беспилотные наземники составляли техническую основу Соцсогласия, поэтому контролёр в секторе был один – примерно на триста тысяч ливеров – и этого вполне хватало для поддержания повседневного порядка.

У него даже оставалось время, чтобы лично поприветствовать сомнительную гостью.

– Что ты здесь забыла? – поинтересовался контролёр, когда Шанти оказалась в шаге от него.

Пришлось остановиться и вежливо сообщить:

– У меня есть право на выезд за пределы агломерации.

– Неужели?

Отметки о разрешённых перемещениях ставились на главной странице идентификатора, контролёр не мог их не видеть, но учитывая, что сотрудники Социального согласия имели право задержать любого гражданина на семьдесят два часа без объяснения причин, а Шанти торопилась, следовало сохранять спокойствие, вести себя вежливо и ни в коем случае не хамить.

– Да, у меня есть официальное разрешение, господин контролёр.

– Странно, что оно не фальшивое… – Он помолчал, поправил AV-очки, то ли привычным жестом, то ли в надежде получше разглядеть отметки, и хмыкнул: – Я бы не удивился.

Девушка знала, почему стала объектом пристального внимания, а точнее – измывательств со стороны муниципального служащего. Нет, не только потому что контролёру было скучно, хотя ему явно было скучно. Главной же причиной являлся послужной список Шанти. Не плохой, наоборот – слишком хороший. Не так давно девушка так же состояла на государственной службе, занимая должность контролёра Четвёртого департамента, который в неофициальной табели о рангах, занимал строчку выше Соцсогласия, вот и получила порцию унижений от бывшего коллеги.

– Вернёмся к вопросу: ты чего здесь забыла?

– Я проездом в вашем секторе, – спокойно ответила Шанти. – Надеюсь уехать в течение получаса.

– На чём уехать?

– Меня ждёт подруга.

– Тоже из бывших?

– Нет.

– Допустим… – Он доел кебаб и принялся медленно вытирать салфеткой пальцы, продолжая при этом смотреть девушке в глаза. – Полчаса?

– Надеюсь, быстрее, господин контролёр.

Ответ вызвал одобрительный кивок, однако угроза всё равно последовала:

– Если за эти полчаса ты подключишься к какой-нибудь из здешних точек, я тебя арестую за попытку проведения хакерской атаки. Это понятно?

Он имел право на любые меры «способствующие сохранению порядка» и дал понять, что с удовольствием их применит. Шанти кивнула, показав, что неприятностей от неё не будет, и тогда контролёр бросил салфетку на тротуар:

– Ты намусорила.

Если не поднимешь – можно влететь на крупный штраф за «нарушение муниципальных норм гигиенического контроля» и до месяца заключения за «неподчинение законным требованиям по обеспечению социального согласия общества». Девушка молча наклонилась и подняла салфетку.

– Извините. Случайно обронила.

– А вообще, тебе с твоими данными нужно в проститутки идти, – вальяжно продолжил контролёр. – Сейчас опять мода на настоящих шлюх без пластических операций. Дать адрес?

– А это законно?

– А ты хитрая. – Контролёр рассмеялся и направился к водительской дверце мобиля. – Полчаса, Шанти, и я предупредил насчёт подключений.

Девушка проводила его взглядом, бросила салфетку в мусорный бак – разумеется, в «правильный», предназначенный в том числе для бумаги, поскольку за каждым её движением следил оставленный контролёром дрон – поправила рюкзак, быстрым шагом дошла до парковки и улыбнулась помахавшей рукой подруге.

Ну, как подруге… познакомились месяц назад, в Сети, пообщались, понравились друг другу, пару раз весело зависли в «Яркости»[4], развлекаясь, как умеют лишь молодые девчонки, потом пересеклись в реальности, сдружились ещё крепче, потом Шанти рассказала, что на мели, но не хочет ни работать на корпорацию, ни возвращаться на государственную службу, и Адара сказала, что её нынешний работодатель как раз подыскивает специалиста уровня Шанти. Шанти спросила о чём идёт речь, Адара ответила, что о частном проекте эксцентричного, но очень богатого человека, дала номер личной

нейросети работодателя, и после короткого собеседования Шанти получила приглашение.

– Привет.

– Привет, дорогая. – Девушки обменялись поцелуями. – Что он от тебя хотел?

Подруга увидела, кто задержал Шанти, но благоразумно осталась в стороне.

– Унизить.

– Получилось?

– А как ты думаешь?

Адара улыбнулась и вздохнула:

– Ты молодец.

– Я бы руки помыла, но негде, – сказала Шанти, усаживаясь в мобиль подруги. – Я ведь не была такой. Я была хорошим контролёром.

– Люди разные.

– К сожалению, я это знаю.

Протоколы Экологического Ренессанса требовали, чтобы между агломерациями скоростные поезда ходили без остановок, разгонялись до четырёхсот километров в час и мчались, пока не прибывали в конечную точку. В глубь территорий можно было попасть либо по воздуху – так предпочитали перемещаться очень богатые биггеры[5], либо на электрических мобилях. Адара оказалась обладательницей не очень большой, но достаточно вместительной машины весёленького ярко-розового цвета. Предупредила: «Поедем не очень быстро – я водитель осторожный», однако скорость набрала резко, а в потоке, правда, не очень плотном, вела себя весьма агрессивно, словно управляла не скромным мобилем, а дорогой спортивной машиной. Шанти это обстоятельство отметила, но ничего не сказала, вяло ответила на какую-то шутку о дороге и уставилась на корпуса мусороперерабатывающего комплекса, начавшиеся сразу за жилыми постройками сектора. Несмотря на высокую стоимость еды, заставляющую ливеров покупать ровно столько, сколько они смогут съесть, и то, что почти все возможные вещи, включая одежду, изготавливались из биоразлагаемых материалов, изрядная часть мусора требовала вывоза на полигон или переработки. Полигоны запретили протоколы Экологического Ренессанса, поэтому на окраинах окраин агломераций поднялись гигантские комплексы, призванные оставить отбросы там, где они появились. Огромные цеха, стоящие на страже экологического возрождения планеты, напоминали крепостные стены, когда-то ограждавшие жителей городов от внешних угроз, а теперь – окружающую среду от жителей городов.

Мусорные комплексы стали цитаделями нового порядка.

* * *

– А твой отец не разозлится? – осторожно спросил Шухрат.

– Почему он должен разозлиться? – поинтересовался в ответ Джумали.

– А разве непонятно? – Шухрат знал Джумали с детства, считался лучшим другом, не раз доказывал свою преданность и потому имел право на некоторую вольность в общении с сыном шейха. Остальные юноши понимали, что стоят на ступеньку ниже, поэтому помалкивали. Но внимательно прислушивались к разговору. И никто не догадывался, что верный Шухрат затеял его по договорённости с Джумали – чтобы снять у членов небольшого отряда последние сомнения.

– Мы не делаем ничего запрещённого, – пожал плечами Джумали.

– Племя не воюет с людьми Пазыла, – произнёс Шухрат самую важную фразу, которая вертелась в голове всех отобранных для рейда юношей. Боявшихся – и не без оснований – гнева шейха Камалетдина. Сейчас было важно увлечь их, объяснить, что они правы, и Джумали решил применить «вечную» максиму территорий:

– Мы всегда воюем со всеми! – громко произнёс он, обводя молодых бойцов яростным взглядом. – И наша сила не в лживом уважении, которое выказывают нам соседи, а в том, что мы делаем то, что считаем нужным. Всегда! И мы никому не позволим гадить исподтишка. Не будем искать доказательств! Если нас оскорбили – мы накажем тех, кого сочтём нужным, кого мы считаем виновными! Таков закон свободных территорий!

Джумали говорил горячо и убедительно. Парни же согласно кивали, но поддерживать его выкриками не спешили. Парни понимали, зачем опасная вылазка нужна молодому наследнику – время идёт, ему уже семнадцать и пора показать, что он достоин своего великого отца. Рано или поздно Джумали предстояло встать во главе древнего, уважаемого рода – по праву крови, но власть над племенем отец ему гарантировать не мог, в других знатных семьях тоже подрастают амбициозные наследники, которые, если Джумали себя не проявит, с радостью займут место, которое он считал своим.

– Кто нас оскорбил? – выдал Шухрат заготовленную реплику.

– Пазыл похитил и продал в рабство Язида и двух других наших друзей! – ответил Джумали.

После этого заявления глаза ребят вспыхнули: Язид действительно пропал и никто не знал, как это произошло – ушёл на охоту и не вернулся. Шейх Пазыл поспешил сказать Камалетдину, что непричастен, Камалетдин принял заявление вождя соседнего племени к сведению, поскольку не имел доказательств обратного, а вот Джумали доказательства не требовались.

– Почему ты думаешь, что Язида похитили люди Пазыла? – спросил осторожный Насиб.

– А кто ещё? – притворно удивился Джумали. – Племя шейха Фикрета кочует далеко к югу, а людей шейха Халдуна слишком мало, они трусливы и не рискнули бы тронуть никого из наших.

– Если Язида и ребят продали работорговцам, то их не вернуть, – заметил Линар.

– Мы их не вернём, – согласился Джумали. – Зато отомстим. Покажем Пазылу, что нас нельзя трогать безнаказанно.

– И начнём войну? – вздохнул Насиб.

– Я не собираюсь начинать войну, – покачал головой Джумали. – Заберём пять-десять голов и продадим в «Кентукки». И отомстим, и заработаем.

И все посмотрели на старый мост через небольшой овраг, за которым начинались земли племени шейха Пазыла. Мост не охранялся – не имело смысла, поскольку овраг не был слишком длинным и его легко можно было обойти с обеих сторон, а в километре за мостом находилась ферма, которая и должна была стать целью рейда. Переехать через мост, затем двести метров через лес, затем – через поле. На скорости дорога займёт пару минут, не больше. Их шестеро, у них большой армейский внедорожник «Maul», в рабочий кузов которого легко поместится десяток пленных. Затем быстрое отступление и час до «Кентукки» по собственным землям, то есть, в относительной безопасности.

– Это рейд, а не война!

– Твой отец учил никогда не идти в рейд без разведки, – напомнил Линар.

– Быстрый рейд! Километр туда – километр обратно. Кто со мной?

Парни переглянулись, мысленно взвешивая все «за» и «против». С одной стороны, рейд действительно быстрый и на быстром внедорожнике всё должно получиться так, как задумал Джумали. Но при этом – рейд неподготовленный. С другой стороны, в неподготовленности заключалось его преимущество – люди Пазыла не ждут нападения. Но самое главное – причина, побудившая Джумали предложить рейд: наследнику нужно показать себя. И он не забудет тех, кто был рядом с ним. Сейчас, в

таких вот рейдах, формируется будущая элита племени, и если откажешься – второго шанса может не представиться.

Поэтому не отказался никто.

И «Maul», буквально перепрыгнув через мост, стремительно помчался вглубь земли Пазыла. А сидящие в нём ребята повели себя так, как должны были на чужой территории: автоматы сняты с предохранителей, стволы смотрят в разные стороны, стрелки готовы в любое мгновение открыть огонь; никаких шуток, все внимательны и сосредоточены. Особенно – пулемётчик, отвечающий за основное оружие внедорожника – старый, но не устаревший, абсолютно надёжный «Браунинг». Пулемётчик знает, что если что-то пойдёт не так – только от него будет зависеть, сумеют ли парни вырваться. Только его крупнокалиберные пули, больше походящие на снаряды, позволят сдержать атаку, но… но противник тоже об этом знает. Противник прекрасно понимает опасность пулемётчика, поэтому ему прилетает первая пуля. Одна из двух первых пуль. Пулемётчику в шею, точно над бронежилетом. Водителю – в левый глаз. «Maul» был быстрым, потому что не обладал серьёзной защитой, и пуля из тяжёлой снайперской винтовки с лёгкостью пробила усиленное лобовое стекло.

Два выстрела прозвучали в тот момент, когда «Maul» выехал из леса. Два выстрела, которых ребята не услышали и только потом узнали, что они были. А в тот момент они увидели заваливающегося пулемётчика, затем почувствовали, что внедорожник забирает вправо, слетает с дороги и переворачивается. А они летают внутри кабины, врезаясь друг в друга, крича от неожиданности и страха, теряя ориентацию и не думая о том, что нужно защищаться. Удар оглушает. Требуется время, чтобы прийти в себя, но времени нет – к перевернувшемуся внедорожнику бегут люди, лезут внутрь, хватают валяющиеся в кабине автоматы, грубо вытаскивают ребят, и вскоре Джумали обнаруживает себя сидящим на земле, безоружным, со связанными руками, гудящей головой и расплывающимся взглядом. Увидел подошедшего мужчину, попытался сфокусироваться на нём, что получилось далеко не сразу, поэтому прежде, чем мужчина превратился из размытого пятна в чёткое изображение, юноша узнал его по голосу – сам шейх Пазыл.

Глава соседнего племени присел перед Джумали на корточки, усмехнулся и задумчиво произнёс:

– Ну и что мне с вами делать?

* * *

– Ничего не делать, – рассмеялась Адара. – Будем ждать, пока они не пройдут.

– Просто ждать? – уточнила Шанти.

– А что ещё остаётся?

И действительно – что? Примерно час назад они съехали со скоростного шоссе – по два ряда в каждую сторону, разделительный бетонный отбойник, забор в пяти метрах от обочины и зарядные станции каждые пятьдесят километров – и оказались на местной дороге, двухрядной, с хорошим асфальтом, но не ограждённой. И проезжая через очередной лес, были вынуждены остановиться, чтобы пропустить небольшое стадо благородных оленей. Которые, в свою очередь, замерли посреди дороги и принялись с любопытством разглядывать розовый мобиль.

– Они нас не боятся, – удивилась Шанти.

– Мы находимся в строгой заповедной зоне, – рассказала Адара. – Охота здесь запрещена под страхом смертной казни.

– А есть нестрогие заповедные зоны?

– Есть, конечно. Охота в них разрешена по лицензиям.

– И местные соблюдают правила?

– Племена к этому приучили, – пожала плечами Адара. – Все животные чипированы. Если хоть одно из них умирает, дрон прибывает к месту происшествия в течение четверти часа и фиксирует браконьера. Затем следует наказание.

Федеральное правительство не для того вводило протоколы Экологического Ренессанса, чтобы позволить кому-то их безбоязненно нарушать.

Тем временем, олени потеряли интерес к мобилю и неспешно скрылись в лесу, Адара вновь набрала скорость и Шанти уточнила:

– Племена?

– Неужели ты о них не слышала?

– О людях, отказавшихся переселяться в агломерации?

– Кто-то отказался, кого-то не взяли, кто-то бежал сюда из агломераций, удалив нейрочип… Ты не поверишь, сколько идиотов отказалось переселяться по религиозным соображениям, не позволяющим им вживлять чипы. На территориях они сбиваются в племена и… как-то живут.

– Чем они занимаются?

– Как-то живут, – повторила Адара. – Охотятся, выращивают еду на фермах, торгуют наркотиками и рабами, воюют друг с другом…

– Ты серьёзно?

– Не волнуйся – им чётко объяснили правила игры и не

позволяют их нарушать. Нападение на гражданина агломерации карается атакой боевых дронов на все поселения племени, поэтому таких инцидентов не было уже лет двадцать. У них своя жизнь, у нас – своя.

– Удивительно… – протянула Шанти. – В шаге от цивилизации живут… племена.

– У них нет промышленности, науки, всё образование – умение читать и писать. Ну и считать, конечно же. Лечатся у знахарей и в бесплатных медицинских пунктах, которые открыло федеральное правительство. Электричество и товары им продают, но с очень большой скидкой, говорят, даже ниже себестоимости.

– Но всё-таки продают? Не раздают просто так?

– Они должны отрабатывать получаемые блага. Иначе быстро превратятся в нахлебников.

– Как отрабатывать? Торговлей наркотиками?

– Торговлей запрещёнными наркотиками, – уточнила Адара. – Таких осталось немного, но племенам на жизнь хватает.

– Только не говори, что наркотики они продают правительству.

– Нет, конечно, правительство просто закрывает на их бизнес глаза. Всё, что происходит на территориях – остаётся на территориях. Пока племена соблюдают правила игры – их не трогают.

– Но зачем они нужны?

– Война любит пехоту.

– Не поняла, – нахмурилась Шанти.

Некоторое время Адара молчала, затем поняла, что до цели их пути ещё далеко, а вопрос повис в воздухе, и неохотно ответила:

– Ты видела ливеров?

– Больше, чем хотелось бы.

– Многие из них пребывают не в самой лучшей физической форме – образ жизни не позволяет. А на территориях нужны воины, их тут и воспитывают.

– А потом?

– Потом правительство их… призывает. Пограничные конфликты, корпоративные войны, подавление беспорядков… война – это очень сложно, одними дронами не обойтись, нужна пехота.

– И её здесь выращивают, – догадалась Шанти.

– Об этом не принято говорить.

– Хорошо, не буду.

– Тем более, мы приехали. – Адара бросила взгляд на часы. – Помнишь, что я тебе рассказывала? И о чём предупреждала?

– Ничему не удивляться?

– Да, ничему не удивляться. Хозяин поместья человек эксцентричный, его вкус и некоторые пожелания могут показаться странными, но он очень богат и могущественен. Будь вежлива. А удивлением потом поделишься со мной.

– Только удивлением?

– Даю слово: он не потребует от тебя ничего унизительного, если ты об этом, – ответила Адара. – На этот счёт можешь не беспокоиться.

Они свернули на узкую, ведущую в лес дорожку – тоже асфальтированную – проехали метров сто и остановились перед высокими коваными воротами, то ли старыми, то ли состаренными искусственно. Ворота появились неожиданно – сразу за изгибом дороги, и совсем неожиданно для привычного мира жителя агломераций.

– Ого! – Шанти не смогла сдержать короткий возглас. – Как в кино.

– Дальше будет ещё интереснее, – с улыбкой пообещала Адара. И повернулась к подлетевшему дрону.

Проверка не заняла много времени: основной дрон считал данные с нейрочипов девушек и сравнил их с отпечатками сетчаток, два других, намного меньшего размера, просканировали мобиль изнутри и снаружи, не нашли ничего подозрительного, и дали сигнал пропустить гостий.

– Нормы безопасности в поместье достаточно строгие, но они направлены против местных.

– Ты же говорила, что племенам давно объяснили, что следует соблюдать правила, – припомнила Шанти.

– Объяснили, – кивнула Адара. – Но необходимо поддерживать в них понимание соблюдения правил. Силой поддерживать. И покорность, и нейтралитет, и дружба достигаются только силой, если ты слаб – ты можешь рассчитывать лишь на благотворительность.

– Понятно. – Шанти помолчала, а затем, заметив, что лес редеет, неожиданно спросила: – Поместье как-то называется?

И услышала в ответ:

– «Инферно».

И не успела удивиться ответу, потому что лес закончился и девушка увидела его.

Особняк.

Нет, замок. Или дворец. То, что некогда называлось «шато». Двухэтажный, но из-за высоких перекрытий и мансардной крыши выглядящий массивным, настоящим дворцом. И при этом, к удивлению Шанти, особняк казался заброшенным: бордовая

крыша местами потеряла цвет и кое-где стёкшая с неё краска испачкала жёлтые, тоже выцветшие стены. Асфальт закончился перед воротами, от них к дому вела мощёная дорога, сквозь булыжник которой проросла трава. Лестница на парадную террасу так же пребывала в запущенном состоянии: камень потемнел, некоторые ступени рассыпались. И столь же тёмным показался круглый фонтан перед лестницей, разумеется, недействующий.

Всё вокруг угасало, точнее – давным-давно угасло, навевало гнетущую тоску и даже немного страшило.

«Инферно».

– Крыша башни правого крыла повреждена и в ней живут летучие мыши, – сообщила Адара, позволив подруге сполна насладиться зрелищем. – Самые настоящие.

– Он купил дом вчера? – пошутила изумлённая Шанти.

– Три года назад.

– А потом деньги кончились?

– У людей, которым дозволено покупать особняки на территориях, деньги не могут закончиться, – мягко улыбнулась в ответ Адара. – Такая опция отсутствует. Он специально искал крепкий, но заброшенный особняк.

– Ах, да, ты предупреждала, чтобы я ничему не удивлялась, – припомнила Шанти.

– Именно.

– Внутри дом такой же?

– Не хочу портить сюрприз.

– У тебя есть лишний спальный мешок?

– Поверь, не понадобится.

– То есть, нет?

– То есть, не хочу портить сюрприз, – повторила Адара, останавливая машину у лестницы, где их ждали невысокие чернокожие слуги в бордовых, с тёмным золотом, ливреях.

Двое из них занялись багажом, а третий проводил девушек внутрь через парадную дверь, пройдя в которую они оказались в огромном – по меркам Шанти – холле, благородном, под стать особняку, и таком же заброшенном. В большой, на полсотни лампочек, люстре, горело не более десятка, да и те были пыльными настолько, что едва давали свет, отчего тёмные настенные панели казались ещё темнее, парадная лестница на второй этаж едва угадывалась, а тьма давила почти физически. В самом же освещённом месте холла, там, где тусклые лампочки получали поддержку из грязных окон, девушки увидели хозяина поместья, молодого мужчину в тёмном костюме и белоснежной рубашке. У него были длинные, до плеч, прямые светлые волосы,

которые он зачёсывал на правую сторону, выпуклый лоб, большие синие глаза и узкий, почти безгубый рот. Не рот, а тонкая полоска, которая немного портила породистое лицо аристократа.

Мужчина встретил гостий сидя. Сначала Шанти решила, что он специально расположился в кресле, желая продемонстрировать собственную значимость, но через мгновение сообразила, что владелец «Инферно» пребывает в инвалидной коляске и явно не по своей прихоти.

Несколько секунд они смотрели друг на друга, а затем Адара с поклоном произнесла:

– Добрый день, милорд. Позвольте представить вам мисс Шанти Льюис, бывшего контролёра Четвёртого департамента и очень талантливого специалиста в области IT. Шанти, перед тобой лорд Гамильтон Галл, владелец «Инферно».

– Очень приятно. – Девушка не знала, что сказать ещё.

– Мисс Марлоу, моя экономка. – Отрывисто бросил мужчина.

Шанти едва удержалась от вопроса: «Где?», затем увидела, что Адара надевает AV-очки, выхватила свои и только тогда разглядела стоящую позади кресла женщину в строгом чёрном платье. Мисс Марлоу была высока, пряма, как палка, обладала строгим, очень жёстким лицом и неестественно белой кожей. Длинные светлые волосы собраны в высокую причёску, губы поджаты, взгляд – ледяной. Такой свою личную нейросеть пожелал видеть хозяина дома.

– Очень приятно, – запнувшись, повторила Шанти.

– Очень приятно кто? – холодно осведомилась экономка.

– Очень приятно, мисс Марлоу.

– Так-то лучше. – Казалось, смотреть недружелюбнее было невозможно, однако нейросети владельца «Инферно» это удалось. – В этом доме запрещено забывать о вежливости.

– Я это запомню, – пролепетала Шанти.

– И об этикете…

– Я…

– Я распорядилась подготовить для вас подобающую одежду. – Мисс Марлоу не перебивала девушку, она просто чуть повысила голос и полностью её заглушила. – Слуга объяснит, какое платье следует надеть к ужину. И, при необходимости, расскажет, как его следует носить. – На джинсы и футболку Шанти нейросеть смотрела с отвращением. – А пока можете отдохнуть с дороги.

Мисс Марлоу наклонилась и посмотрела хозяину в глаза.

– В библиотеку, – тихо сказал Гамильтон.

– Да, милорд.

* * *

Перед глазами – металлический пол кузова. Не просто грязный, а извечно грязный, поскольку владельцы вряд ли утруждали себя его мытьём, даже из шланга и при этом возили в грузовичке всё, что угодно: от овощей в перепачканных мешках, до животных, которые от страха ходили под себя. Обычный рабочий кузов рабочего грузовичка фермера с территорий, и связанных пленников бросили в него лицом вниз, в грязь, пахнущую землёй, удобрениями и испражнениями напуганных животных. Наверное, специально взяли эту машину и бросили в неё юношей, как мешки с овощами. Но на этом унижения не закончились. Шейх Пазыл не отказал себе в удовольствии проехаться в кузове, уселся, как обычный солдат, на лавку, поставил ноги на Джумали и, посмеиваясь, принялся рассказывать пленникам всё, что о них думает.

– Вы, трусливые щенки, отродье трусливых собак, вы думали, что я не охраняю свои земли? Ещё как охраняю – когда по соседству живут такие подонки, нужно держать ухо востро. А вы не только трусливые, но и тупые – не заметили беспилотник, идиоты, даже не подумали, что он может за вами наблюдать, ни один из вас, ублюдков, не поднял голову вверх. А беспилотник наблюдал, точнее, я наблюдал за вами с того момента, как вы покинули своё поганое селение. Я понял, что вы задумали очередную подлость, отправился навстречу, а вы… – Пазыл надавил на спину Джумали сильнее, вызвав болезненный стон. – А вы так долго не решались переехать мост, что мы с ребятами успели вздремнуть и даже в картишки перебросится.

Сидящие в кузове воины деликатно посмеялись.

– Ваша наглость, щенки, имеет только одно объяснение: я давно не плющил ваше вонючее племя, возглавляемое твоим тупорылым папашей. Но теперь я понял, что пора напомнить, кто есть кто на территориях. Я покажу вам, у кого сила. А для начала передам твоему старику весьма понятное послание.

Джумали, чей рот был стянут верёвкой, замычал, и его страх заставил Пазыла рассмеяться:

– Ты такой же трус, как твой папашка, но если ты уже обделался, то напрасно: я не собираюсь тебя убивать. Это было бы слишком просто. Я сделаю так, что твой отец будет до конца жизни страдать, зная, что ты, наследник древнего рода, униженно прислуживаешь своему хозяину в качестве раба. А может и не только прислуживаешь.

На этих словах грузовик остановился, Пазыл спрыгнул на землю, поправил боевой пояс и уверенным шагом подошёл к

кованым воротам, перед которыми его ждали четверо невысоких чернокожих слуг в бордовых ливреях. Над головами чернокожих висели боевые дроны, однако их присутствие Пазыла не смущало – не в первый раз. И, по той же причине, что «не в первый раз», он знал, что нужно делать – взял у одного из слуг очки, надел и улыбнулся появившейся в шаге перед ним женщине:

– Доброго дня, госпожа.

Ни одна женщина в мире – кроме его матери – не слышала от Пазыла столь почтительного обращения. Ни одна, кроме этой: высокой и прямой, холодной, как глыба льда, помощницы хозяина земли Шабах. Пазыл думал, что хозяин Шабах специально заставляет вождей вести дела с женщиной, чтобы унизить их, но оспаривать его решение не имел права.

– Приветствую тебя, шейх Пазыл, вижу, ты снова готов к сделке?

– Ваше объявление появилось в сети, госпожа.

– Да, мне нужны рабы…

А Джумали, которого как раз вытащили из кузове, замычал от горя – Шабах! Проклятый Пазыл привёз их не куда-нибудь, а в Шабах! Окажись они в руках обычных работорговцев, отец сумел бы их отыскать, но из Шабах выхода нет! Джумали замычал, но изменить что-либо был не в силах.

– Опять молодые? – Мисс Марлоу перевела взгляд на юношей, имён которых она не знала и не хотела знать. Ей было абсолютно всё равно, где Пазыл их отыскал – ей требовались подопытные.

– Молодые и крепкие.

– Кости целы?

– И кости, и внутренние органы, – подтвердил Пазыл. – Они из рода трусливых собак – сражаться не умеют, только хорохорятся. Или вам нужны воины?

– Мне всё равно, – равнодушно ответила мисс Марлоу, поворачиваясь к посетителям спиной. – Тебе заплатят прежнюю цену, шейх.

Очень щедрую цену, поэтому Пазыл не сумел сдержать довольную улыбку.

* * *

Шанти переживала, что платье окажется слишком вычурным, требующим особого умения носить, не подойдёт или просто не понравится. Нервничала, потому что знала, что надеть платье придётся – мисс Марлоу чётко дала понять, что не потерпит

нарушения этикета, а владелец «Инферно» во всём соглашался с экономкой. В итоге, переживала напрасно: обнаруженное в шкафу платье, длинное, в пол, глубокого синего цвета, прекрасно гармонирующее со смуглой кожей и чёрными волосами девушки, село на Шанти идеально, выгодно подчеркнув достоинства фигуры. Оно не смущало и не стесняло, девушка чувствовала себя в нём абсолютно естественно и мысленно удивилась мастерству портного.

К платью полагались туфли, а явившийся слуга – невысокий, чернокожий, в ливрее, других, судя по всему, здесь не было – умело поправил причёску и нанёс лёгкий макияж. На короткие ногти посмотрел неодобрительно, но промолчал. Впрочем, он вообще не проронил ни слова, отрицательно покачал головой в ответ на первый вопрос девушки и больше на них не реагировал. То ли был немым, то ли соблюдал запрет.

Закончив с подготовкой, слуга знаком предложил Шанти следовать за ним и проводил девушку в столовую. Большую, но такую же мрачную, как всё в «Инферно». За длинным столом могло разместиться не менее пятидесяти гостей, однако сейчас, в царящем полумраке, сидящие на разных концах люди попросту не увидели бы друг друга. А некоторые не увидели бы содержимое своей тарелки. Столовая освещалась ровно настолько, чтобы дать представление об её размерах, что же касается ужина, он был накрыт при свечах. Но накрыт по всем правилам: фарфоровый сервиз и серебряные приборы – о предназначении некоторых из них Шанти не имела ни малейшего представления.

Прислуживали всё те же слуги, которых лорд Гамильтон называл «незаметными», из чего Шанти сделала вывод, что по-человечески владелец «Инферно» относится только к своей нейросети. После того, как «незаметные» наполнили бокалы игристым, лорд поднял тост за «встречу, которая способна многое изменить». Девушка решила, что начался серьёзный разговор, навострила уши, но подали закуски и Гамильтон демонстративно взялся за вилку.

Еда оказалась изумительно хороша – Шанти это поняла даже не будучи гурманом и не разбираясь в тонкостях кухни. Закуски, салаты, горячее… отменно приготовленные блюда превосходно сочетались друг с другом, показывая, что повар продумывал не каждую подачу в отдельности, а ужин целиком.

Неудивительно, учитывая, что за ним наверняка присматривала вездесущая мисс Марлоу.

И лишь покончив с горячим, лорд Гамильтон счёл возможным перейти к делам:

– Когда я купил этот дом, он представлял собой печальные

развалины, на которые испражнялись дикие племена, – негромко рассказал он, вертя в руке бокал с красным. – Испражнялись на историю этой земли, а значит – и на людей, которые историю творили. Такова участь всех народов, которые забывают о корнях и позволяют чужакам прикасаться к своей культуре, и своей памяти. Я не сентиментален, но увидев дом тогда, я расстроился. А ещё – влюбился в него, скрывать не буду… но при этом не хотел превращать его в парадный особняк, каковым он являлся раньше. У меня есть дворец для светских мероприятий, я его не люблю, но вынужден посещать. А здесь, вдали от посторонних, я захотел устроить дом своей души.

«Под названием „Инферно“», – неожиданно подумала Шанти, чудом ухитрившись сохранить на лице непроницаемое выражение.

– Не «для души», а «дом души», поскольку созданный образ не только услаждает мою душу. «Инферно» – много больше чем берлога эксцентричного отшельника, в которую я собираюсь прятаться, дабы окунуться в любимую атмосферу. Это мой замысел, моя часть Истории.

Лорд Гамильтон просил не надевать к ужину AV-очки, однако во время речи Шанти неожиданно почувствовала на себе взгляд стоящей за его спиной мисс Марлоу – ледяной, пронизывающий взгляд. Почувствовала, и едва заметно передёрнула плечами.

– Все вы знаете, что подавляющее большинство Метавселенных опирается на реальные географические карты. Просто по-разному их интерпретирует. Соответственно, любой желающий может приобрести в собственность электронную копию той или иной территории в той или иной Метавселенной. Что я и сделал. В настоящий момент, я обладаю правом собственности на эти земли не только в реальности, но и во всех существующих Метавселенных. И хочу, чтобы ты, Шанти, превратила «Инферно» в мультихаб. Мой дом должен присутствовать во всех Метавселенных и везде выглядеть одинаково.

– Даже в авторских Метавселенных? – машинально уточнила девушка.

В отличие от классических Метавселенных, авторские цифровые пространства не всегда опирались на реальные карты, а главное – их концепция могла противоречить архитектурному облику «Инферно».

– Мои адвокаты заключили соглашения с владельцами всех авторских Метавселенных.

– У вас отличные адвокаты, милорд.

– Это был единственный вопрос?

– Первый, – улыбнулась Шанти. – Уверена, их будет много, но

сейчас я хочу знать, почему вы ставите передо мной столь примитивную задачу? Создание мульхаба, точки, существующей во всех цифровых пространствах – не мой уровень.

– Знаешь себе цену? – тонкие губы Гамильтона изобразили улыбку.

– Вы тоже её знаете, милорд.

– Пока я всего лишь предполагаю, – чуть жёстче ответил владелец «Инферно». – Тебя хвалят, но мы с мисс Марлоу хотим посмотреть, как ты справляешься. Реши простую задачку, Шанти, и мы обсудим сложную.

– Да, милорд.

– Сколько времени тебе нужно?

– Насколько полно вы хотите погрузить особняк в Метавселенные?

– До последней комнаты, Шанти – ко мне могут приезжать гости, и они должны видеть дом таким, какой он есть. Дом уже оцифрован, все данные пришлёт мисс Марлоу.

– Один день.

– В таком случае, Шанти, после завтрашнего ужина мы обсудим сложную задачу. – Лорд Гамильтон допил вино и отъехал от стола. – Вам подадут десерт, а я, пожалуй, отправлюсь спать.

* * *

На этот раз при появлении новичка Язид не почувствовал привычной ярости. И, честно говоря, обрадовался: очень хотелось узнать, что происходит на территориях, да и просто поговорить с живым человеком, поскольку пребывание в одиночной камере доводило Язида до исступления. Поэтому когда дверь отворилась, молодой воин сначала замер, ожидая необъяснимой, но ставшей привычной ярости, а когда понял, что этот пленник её не вызывает, с облегчением рассмеялся и поднялся с койки.

– Привет!

Новый заключённый, а им оказался высокий, худощавый мужчина в серой робе, некоторое время удивлённо смотрел на закрывшуюся дверь, а затем тряхнул головой, словно просыпаясь или сбрасывая наваждение и повернулся к Язиду.

– Привет!

И опять долгий взгляд, только на этот раз мужчина изучал протянутую руку.

– Привет!

Язид должен был почувствовать неладное раньше, много

раньше. Должен был сообразить, что мужчина хоть и не кажется агрессивным, но пребывает в не совсем адекватном состоянии. Но не почувствовал – Язид соскучился по живому общению, потому и допустил ошибку. С другой стороны… чтобы он ни делал, шансов у молодого воина не было.

Новичок едва слышно зарычал.

И только сейчас Язид сделал шаг назад, одновременно убирая руку и принимая боевую стойку. Увидев движение молодого воина, мужчина развернулся к нему полностью и неприятно ощерился, издав при этом странный клокочущий звук. И сделал шаг вперёд.

– Стой на месте, – велел Язид, отступая ещё дальше. – Не шевелись.

Но кто станет слушать? К тому же мужчина, как показалось Язиду, не услышал предупреждения. Издав клокочущий звук, он медленно развёл руки в стороны, запрокинул голову, как будто у него свело шею, рыкнул – на этот раз Язид услышал не клокотание, а именно рык – и когда вновь обратил взор на молодого воина, Язид разглядел появившиеся клыки. Два длинных белоснежных клыка, вылезающих из-под верхней губы.

– Что за…

А в следующий миг Язид похолодел. Потому что вспомнил себя – свои клыки, что появлялись во время неожиданных приступов ярости. Потому что понял, что видит перед собой убийцу.

– Нет!

Он испугался. Почти запаниковал. Закричал что-то неразборчивое, но не отступил, а наоборот – бросился вперёд, на мужчину с клыками, пальцы которого удлинились, а ногти превратились в острые когти. Бросился, чтобы ударить, чтобы умереть в бою, и даже сумел достать врага кулаком.

А затем почувствовал, как его сжимают худые, но необыкновенно сильные руки, а клыки впиваются в шею…

– Здесь всё так, как должно быть, – произнёс лорд Гамильтон, глядя на экран монитора. – Бот отработал превосходно, создал абсолютно достоверное ощущение происходящего… Через сколько он исчезнет?

– Прямо сейчас, – ответила мисс Марлоу.

Вампир поднялся, вытер окровавленные губы тыльной стороной ладони, улыбнулся, улыбнулся очень неприятно и потому – весьма запоминающе, и медленно растаял в воздухе.

– Эффектно, – одобрил Гамильтон.

– Благодарю, милорд, – с достоинством поклонилась мисс Марлоу.

– Теперь посмотрим, что получилось в реальности. – Владелец «Инферно» повернулся к другому монитору, на который транслировалось видео из камеры и внимательно оглядел полулежащего в кресле Язида. Мёртвого Язида. – Отмотай назад.

– Конечно, милорд.

Адара исполнила приказ и Гамильтон прищурился, глядя, как молодой воин, спокойно пребывавший в кресле, неожиданно задёргался, захрипел, попытался выгнуться – его удержали ремни, которыми он был привязан, а затем обмяк.

– На шее, возле яремной вены, появилось два красных пятна, как от укуса, – доложила Адара. – Благодаря атаке на нейрочип, удалось вызвать разрыв нескольких сосудов, смерть наступила от кровоизлияния в мозг.

– Это стабильное достижение? – уточнил лорд Гамильтон. – Ты сможешь его повторять?

– Да.

– Хорошо. – Владелец «Инферно» по очереди посмотрел на Адару и мисс Марлоу, после чего выдал улыбку, которая немногим отличалась от отвратительной гримасы вампира. – Я доволен.

* * *

Никогда не расслабляйся, даже на своей территории.

Даже в глубине своей территории.

Даже если тебе кажется, что всё под контролем.

Если ты воин и предводитель воинов – не расслабляйся никогда. Потому что твоё положение – сила, твоя политика – сила, твоя власть – сила, и значит твоя жизнь – сила. А силу будут проверять постоянно, и свои, и чужие – таков удел воина, и если давно не проверяли – это не значит, что боятся. Это значит, что ждут удобного случая.

Удобного для них.

А Пазыл расслабился. И поверил в свою силу. Настолько поверил, что решил, что узнав об исчезновении сына, Камалетдин сначала отправит переговорщика – разузнать, не причастны ли люди Пазыла? Камалетдин отправил – чтобы усыпить бдительность соседа, но одновременно подготовил ударную группу и вышел на связь со своим старым агентом. С человеком, с которым не разговаривал уже десять лет, который некогда верой и правдой служил прежнему шейху племени, убитому Пазылом в борьбе за власть, и десять лет скрывавшим ненависть к новому вождю. Вышел на связь с человеком, которого берёг именно для

такого случая и задал ему несколько вопросов. Смысл которых не оставлял сомнений в том, что задумал Камалетдин.

Расслабленность Пазыла не была явной: его кортеж по-прежнему состоял из четырёх массивных, тяжелобронированных внедорожников, мощные двигатели которых позволяли развивать приличную скорость – до ста пятидесяти километров в час. Охраняли шейха не менее двадцати отборных бойцов, а после похищения Джумали, он перестал показываться рядом с землями Камалетдина. Но лучше бы Пазыл вообще перестал выезжать из столичного поселения и окружил себя гораздо большим числом телохранителей. Потому что в дороге он был уязвим, несмотря на все принятые меры предосторожности. А один предатель стоит больше двадцати бойцов, намного больше. Один предатель сообщил маршрут шейха и взломал сопровождающий кортеж разведывательный дрон – ударные племенам не продавали – и таким образом скрыл приближение отряда Камалетдина.

Один предатель.

Именно он убил Пазыла, потому что всё остальное было делом техники.

Кортеж взяли на скоростном шоссе, которое проходило по земле Пазыла с востока на запад и некогда считалось федеральной трассой. Но затем потеряло этот статус, поскольку вело шоссе на земли других шейхов, что было неинтересно ни властям, ни сельскохозяйственным корпорациями. Шоссе оказалось в ведении племени, его кое-как поддерживали в рабочем состоянии, позволяющем прокатиться «с ветерком», на максимальной скорости, которую могли развить внедорожники. Сто пятьдесят километров в час. На такой скорости разогнавшиеся машины были опасны как для препятствия, которое могли с лёгкостью снести с дороги – если, конечно, речь шла не о бетонной плите, так и для пассажиров, поскольку в случае аварии их ждало непростое испытание. А именно аварию им и подстроили. Боевые дроны племенам не продавали, федеральные власти строго за этим следили, однако на территориях давно научились кустарным образом вооружать те беспилотники, которые можно было купить официально, и при появлении кортежа четыре таких «птички» вылетели из засады и стремительно помчались за внедорожниками, целясь в ведущие колёса. Машины у Пазыла были надёжными, с хорошей противоминной защитой, но люди Камалетдина грамотно рассчитали заряды, и четыре, прозвучавших почти одновременно взрыва, сорвали четыре колеса на четырёх машинах, устроив на скоростном шоссе полноценное бронированное месиво. Головной внедорожник, в котором сегодня сидел Пазыл и который

управлялся самым опытным водителем, почти спасся. Потеряв колесо, шофёр каким-то чудом ухитрился удержать машину и всё должно было закончиться благополучно, но сильнейший удар следующего броневика опрокинул головной внедорожник на бок. Второй, в свою очередь, мог отделаться только разбитым передом, но в него влетел третий внедорожник, доставив всем участникам массу дополнительных ощущений. Но хуже всех пришлось четвёртому, замыкающему внедорожнику, который, потеряв колесо, просто покатился по асфальту, врезаясь во всё, во что можно врезаться и сминая всё, что можно было смять.

Разумеется, Пазыл мог погибнуть в устроенной катастрофе. И он почти погиб – его достали из машины со сломанными ногами. Однако состояние врага Камалетдина не волновало – его участь была предрешена. Сначала старый шейх наблюдал на экране планшета за атакой дронов, затем – в бинокль – за разлетающимися по шоссе внедорожниками, а после, подъехав к месту аварии, почти минуту молча смотрел на стонущего от боли Пазыла. Бесстрастно выслушал поток грязных ругательств и поинтересовался:

– Где мой сын?

В ответ услышал:

– Продал! – прорычал Пазыл, постаравшись вложить в свой голос всю злобу, на которую был способен. – Но перед этим мы с ним позабавились. Все мы, по-очереди.

– Врёшь! – Камалетдин побледнел.

Пазыл зашёлся в смехе, а Зияд, ближайший помощник шейха, негромко произнёс:

– Конечно, врёт, шейх. Он знает, что вы его не отпустите, вот и хочет напоследок вас задеть. Если бы он сделал с Джумали то, что говорит, то выложил бы видео на всеобщее обозрение, чтобы унизить вас.

Несколько секунд Камалетдин глубоко дышал, приводя в порядок нервы, а затем посмотрел на стоящих вокруг бойцов.

– Он бы не стал скрывать! – кивнул один из них.

– Пазыл – подонок, он бы выложил видео в сеть.

– Или показал бы сейчас.

Зияд едва заметно кивнул.

– Да, всё так. – Камалетдин вновь повернулся к врагу, наступил на его сломанную ногу, дождался, когда стихнет вопль и спросил:

– Это того стоило?

– Тебе его не найти, – проревел в ответ Пазыл. И вновь заорал от нестерпимой боли. – Никогда не найти!

Зияд посмотрел на часы, прикинув, что у них есть не более

пяти-десяти минут.

* * *

Комната Шанти оказалась под стать особняку – большой, но мрачной и запущенной. Стены, некогда приятно-бежевые, потрескались, а в некоторых местах штукатурка обвалилась, обнажив кирпичное основание. Так же и лепнина – местами почерневшая от грязи, местами осыпавшаяся. А в покрытой паутиной люстре горела всего одна лампочка. В дальнем углу зачем-то стояло пианино, правда, без табурета и, как убедилась девушка, безнадёжно расстроенное. Шкаф с перекошенной дверцей казался входом в преисподнюю Нарнии. Продавленное кресло обещало поглотить и переварить того, кто рискнёт в нём оказаться, кровать с тремя матрасами и тяжёлым коричневым покрывалом, напоминала эшафот. А ещё комнату украшали две картины: одна, выцветшая до невозможности разобрать хоть что-то, покосилась над изголовьем кровати; вторая висела напротив и изображала женщину в роскошном платье XIX века… но вместо глаз – две зияющие, кровоточащие раны.

Из комнаты хотелось бежать и попросить номер в другой стране.

Однако девушка давно поняла, что сохранив и, возможно, приукрасив запущенное убранство старого особняка, лорд Гамильтон распорядился сделать его жилым. Мрачным, но комфортным. Потому что нигде, ни в одной комнате, ни в шкафу, ни даже под кроватью, Шанти не увидела пыли или грязи. Продавленное кресло, в котором она устраивалась с большой опаской, послушно подстроилось под неё и оказалось весьма удобным, а кровать – в меру мягкая, со свежим бельём. В ванной комнате зияли участки с отбитой плиткой, кран при открытии чихал и плевался, унитаз и сама ванна выглядели грязными, но именно выглядели – это была не грязь, а имитация. Вода была чистой, а рваное, серое полотенце – свежим и тёплым.

Шанти с наслаждением приняла душ второй раз за день – почему нет, раз платить не ей? – улеглась в кровать и почти сразу заснула…

И сразу же проснулась.

Ощутив на себе чей-то внимательный взгляд…

Картины! Взгляд женщины с картины!

Аристократка в строгом платье, холодная, как мисс Марлоу, но совсем на неё не похожая, пристально смотрела на Шанти, постукивая пальцами левой руки по резной раме. Она показалась

живой. Показалось, что рама – это золочёный наличник окна из соседней комнаты, через которое его обитательница решила посмотреть на спящую девушку. Она была настоящей, но… но затем живые черты исказились, расползлись корявыми линиями и нелепостью красок, лицо человека обратилось в маску и урод, неприличным образом застывший в изысканной раме, громко прошептал:

– Подлинный Кандинский.

Заставив девушку вскрикнуть.

И найти себя бегущей по широкой винтовой лестнице. Вниз, от льющейся сверху воды, потому что спасение ждёт не там, где думаешь. Найти себя кричащей от ужаса, но верящей в спасение. Найти несдавшейся. Хоть и бесконечно напуганной яростным шумом воды. Её приближающимся холодом, обещающим мучительную смерть. Напуганной тем, что дверь в подвал стала медленно закрываться, а она, как это часто бывает во сне, не успевает. Бежит всё быстрее, но получается медленнее. Даже не бежит, а стоит бегом, с ужасом ожидая оказаться под водой. Заранее задыхаясь. Крича…

А потом вдруг дверь и вода, и подвал, и лестница, и её страх, и она сама, сплетаются в коктейль с торчащим зонтиком «Привет от Кандинского», Шанти кажется, что она умирает от страха, но не успевает, потому что находит себя взлетевшей над «Инферно». У неё есть крылья, но лететь она может только вверх, как ракета, прочь от особняка, который распирает очень красный новорожденный взрыв. Как это было тогда, в Швабурге, в котором Кандинский написал свою страшную картину.

Шанти улетает прочь, но спасения нет, потому что оно всегда не там, где ждёшь. Крылья обращаются якорем и девушка стремительно мчит вниз, в раскалённый взрыв, уже пожравший «Инферно» и жаждущий новой жертвы. Раскалённое красное ждёт и пышет яростно, обжигая на расстоянии, распадается на два круглых кратера, которые и жгут, и смотрят, обратившись двумя ужасными ранами на лице аристократки в платье XIX века, которая смотрит на девушку своей болью.

Шанти распахнула глаза и села на кровати. Настороженно прислушалась к чужому дыханию и с трудом разобрала едва слышные слова:

– Это она вырезала мне глаза. А потом написала портрет. По памяти. Она была безумно талантлива. Безумна – и талантлива. За это она была наказана.

Кресло скрипнуло, а раньше не скрипело, и холодные пальцы коснулись щеки.

– Спасение там, где не ждёшь. Но если ты не угадаешь, мы

всё равно будем вместе.

Шанти распахнула глаза и села на кровати.

И улыбнулась, увидев первый луч солнца.

* * *

Лорд Гамильтон на завтраке отсутствовал.

Без объяснения причин, что было воспринято с пониманием: аристократ не обязан отчитываться перед простолюдинами. Возможно, не было аппетита, возможно, решил поесть в своей комнате, возможно, не хотел видеть гостий. Которые, в свою очередь, в отсутствии хозяина почувствовали себя намного свободнее. И выразилось это не только в том, что они явились на завтрак в привычной одежде и AV-очках, но в том, что Шанти решила уточнить:

– Скажи, ты хорошо спала? – И по ответному взгляду подруги поняла, что угодила в точку.

Адара допила апельсиновый сок – настоящий, а не продающуюся в агломерациях химическую смесь для ливеров, и медленно произнесла:

– Добро пожаловать в «Инферно».

– Что ты имеешь в виду?

– Прости, что не предупредила – мне строго запретили…

– Не извиняйся, – перебила подругу Шанти. – Что я видела? За ужином мне подсыпали наркотики?

– Можешь думать так.

– А на самом деле?

Адара помолчала, глядя подруге в глаза, после чего спросила:

– Ты ещё не догадалась? Не поняла, почему лорд Гамильтон купил именно этот дом? Что в нём привлекло внимание такого человека?

– А должна была догадаться?

На заднюю, выходящую к парку террасу, где завтракали девушки, вышла мисс Марлоу. Но не приблизилась, остановилась в дверях. Впрочем, все понимали, что экономке не требуется подходить, чтобы услышать разговор.

– В особняке живёт привидение.

Шанти ждала, что Адара улыбнётся. Ну, хоть обозначит улыбку. Или изобразит подмигивание. Или как-нибудь иначе даст знать, что не разделяет веру лорда Гамильтона в присутствие потусторонних сил. Однако подруга осталась серьёзной. А мисс Марлоу не отрываясь смотрела на Шанти. И именно взгляд нейросети заставил девушку проглотить почти вырвавшуюся

фразу – ироничную, и нейтральным тоном осведомиться:

– Доказано?

– Лорд Гамильтон считает, что да.

– А ты?

– В первую ночь здесь я тоже видела странное, – рассказал Адара. – Дом всегда встречает гостей. Всегда. Потом – по-разному. Кто-то больше никогда не испытывает ничего подобного, кому-то видения приходят редко, а кому-то – каждую ночь. Такие люди выдерживают недолго и уезжают навсегда.

– Дом сам решает, кому остаться, – произнесла мисс Марлоу от двери. Не крикнула – произнесла, но девушки услышали.

– И вы ему позволяете? – не удержалась Шанти.

Адара вздрогнула, а нейросеть…

Нейросеть выдержала паузу, сохраняя на лице непроницаемое выражение, а затем неожиданно улыбнулась и громко произнесла:

– Мне нравится, что ты поняла, с кем имеешь дело.

И покинула террасу.

Улыбка у мисс Марлоу оказалась очень приятной.

– Ну ты даёшь, – выдохнула Адара после того, как за нейросетью закрылась дверь. – Я, признаться, её побаиваюсь.

– Я тоже, – не стала скрывать Шанти. – Но не смогла промолчать.

– Кажется, ей понравилось.

– Всё может быть. – Девушка закончила с завтраком, допила кофе и спросила: – Где я могу поработать?

– Мне нравится в зале «Астролябия», – ответила Адара. – Он под крышей башни левого крыла и битком набит старинными приборами. Мне там комфортно.

– В парке можно?

– Выбери место – и слуги принесут кресло или диван… в общем, всё, что захочешь.

– Вот и хорошо. – Шанти встала из-за стола. – Увидимся за обедом.

И неспешно направилась в парк.

* * *

Как получилось, что за крупнейшими европейскими рынками рабов прижилось название махала[6] не знал никто – само приклеилось и вошло в лексикон, поскольку полностью соответствовало смыслу и не вызывало отторжения или недоумения. И так же никто не имел понятия, почему самые

крупные рынки имели имена собственные: махала «Луизиана», «Алабама», «Теннесси»… Точнее, в том, что большие рынки обретали названия, не было ничего необычного, почему имена оказались такими, вопросов тоже не возникало, но кто это придумал, оставалось неизвестным. И останется навсегда, поскольку такие мелочи на территориях никого не интересовали.

Ближайшим к землям шейха Камалетдина был махала «Кентукки», расположенный на левом берегу Луары в небольшом и очень старом городишке, умудрившимся сохранить часть крепостных стен, шато и ратушную башню с работающими часами. Со старыми работающими часами – древний механизм продолжал отсчитывать время, несмотря на все перипетии прошедших столетий. И именно на площади перед ратушей любили проводить время богатые работорговцы: неспешно пили чай, играли в нарды, вели разговоры обо всём на свете и заключали сделки. Здесь располагался деловой центр «Кентукки», а не в ангарах на окраине, предназначенных для хранения товара, и сюда отправился Камалетдин после встречи с Пазылом. Но не чтобы потолкаться среди торговцев, пытаясь разузнать о судьбе сына, а ради разговора с Талале, их неформальным лидером, присматривающим за тем, чтобы рынок не превратился в базар. Несмотря на то, что площадь была пешеходной, бронированный внедорожник шейха подъехал прямо к заведению, однако внутрь Камалетдин вошёл один, выказав уважение и продемонстрировав, что ничего не боится.

Но здороваться первым не стал.

– Шейх Камалетдин, какая честь.

Талале поприветствовал высокого гостя со всем возможным почтением, но без подобострастия. И без страха. Да, у работорговца не было своей земли и большого числа воинов, но он обеспечивал племенам выгодное сотрудничество, поскольку торговал не только рабами, но и запрещёнными к поставкам на территории устройствам, чувствовал себя нужным и в некотором роде неприкасаемым. Поэтому держался с Камалетдином хоть и не на равных, но без унизительного заискивания.

Остальные торговцы, которые к моменту появления шейха пребывали на террасе, поняли, что большим людям нужно обсудить нечто важное и переместились внутрь. Официанты подали чай и заменили в кальяне Талале угли.

– Как бизнес? – осведомился Камалетдин, подкладывая под бок подушку.

– Всегда кажется, что могло быть лучше, но я доволен тем, что имею, – мягко ответил Талале.

Кальян едва слышно забурлил.

– Слышал, с недавних пор твои операции изрядно оживились?

– Благодаря вам, шейх.

– Нет, – качнул головой Камалетдин. – Благодаря ему.

Смерть Пазыла ожидаемо привела к кровавой драке за власть над племенем, захваченных политических противников кланы охотно продавали щедрому Талале, что и привело к увеличению оборота.

– Я этого не хотел.

– Я понимаю, уважаемый Камалетдин, – кивнул Талале. Тихонечко выдохнул и осторожно перешёл к делам: – До меня дошли слухи о постигшем вас несчастье, шейх, и я хочу твёрдо уверить вас в своей абсолютной непричастности к случившемуся. – Работорговец понимал, на что способен несчастный, но сильный, а главное – пребывающий в неистовом гневе, отец, и предельно тщательно подбирал слова. – Я не идиот, чтобы ссориться с вами, уважаемый Камалетдин, и ни за что не купил бы у Пазыла вашего ребёнка. Или купил, но только для того, чтобы выразить вам своё почтение, вернув Джумали домой.

– И поссориться с Пазылом? – прищурился шейх.

– Я догадывался, что вы сделаете с Пазылом, – ответил Талале.

Они оба понимали, что если бы последующие события развивались иначе, то хитрый торговец подождал бы с возвращением юношей и посмотрел, кто одержит победу, но сейчас это не имело значения. Пазыл мёртв, Камалетдин здесь, а Джумали – нет. И шейх понимал, что лгать ему торговец не станет.

– Услышав о случившемся и предполагая нашу встречу, я внимательно изучил каталог, на тот случай, если какой-нибудь молодой или глупый торговец решил нарушить правила и заключить с Пазылом выгодную сделку.

– Такое возможно?

– Возможно всё, кроме одного: у нас есть чёткие правила товарооборота. Я покажу вам внутреннюю информацию, за что меня могут сильно наказать, но я вижу, что никаким другим образом не смогу доказать вам непричастность «Кентукки». – Талале протянул шейху планшет. – В каталоге собрана полная информация на товар: рост, вес, пол, возраст, фотографии с разных ракурсов и медицинское заключение. Вы можете запустить поиск вашего сына по описанию или фотографии, но я уже провёл его и даю слово, что Пазыл не продал Джумали никому из нас.

– Остаётся возможность тайной сделки.

– Мало кто рискнёт нарушать правила нашего сообщества, уважаемый Камалетдин. У нас, как и у вас, весьма короткий

список возможных наказаний.

Некоторое время мужчины молча пили чай, а затем Талале рискнул произнести:

– Вы правильно с ним поступили, шейх.

Камалетдин кивнул, сделал маленький глоток и почти равнодушно поинтересовался:

– Тебе уже продали семью Пазыла?

– Я не знаю, что они сделали с жёнами и старшим сыном, а младший…

– Я хочу его купить, – плавно перебил работорговца шейх.

– Пусть он станет моим подарком.

– Хорошо.

О том, что Камалетдин сотворит с презентом, Талале расспрашивать не собирался – понимал, что всё будет зависеть от того, чем закончатся поиски Джумали. К судьбе которого шейх как раз вернулся:

– Если Пазыл не продал Джумали в «Кентукки», то куда он его отвёз?

Камалетдин знал ответ, но хотел, чтобы Талале подтвердил догадку.

– В землю Шабах, – коротко сказал работорговец. – Они уже несколько раз размещали в Сети объявления о покупке рабов.

– Что ты скажешь о земле Шабах?

– Только то, что ею владеет очень большой человек, – развёл руками Талале. – Я не знаю, почему он выбрал это место: может развлекается, может что-то скрывает, но я знаю, что надавить на него вы не сможете, шейх, при всём уважении. Вам нечем ему угрожать, потому что земля Шабах защищена и оружием, и законом.

Об этом Камалетдин знал не хуже работорговца.

– А договориться с ним можно?

– Я слышал, что тот человек странный, но адекватный. Если вы сумеете добиться с ним встречи, шанс на успех есть.

– Ты можешь сделать мне встречу?

– Я постараюсь, уважаемый шейх, но не обещаю.

– А ты очень постарайся. – Камалетдин чуть повысил голос, однако результата не добился.

– Человек, который владеет землёй Шабах, не видит разницы между вами, мной, женой фермера и моим товаром, – вздохнул работорговец. – Для него мы все одинаковы. И моё слово не значит для него ровно столько же, сколько не значит ваше.

Камалетдин понял, что имеет в виду Талале, помолчал и очень тихо спросил:

– Но с ним можно договориться?

– Я знаю одно, шейх – нужно попробовать, – неожиданно мягко ответил работорговец. – Больше вам ничего не остаётся.

* * *

– Мы слишком рано возомнили себя равными Богу. Так рано, что не разозлили Его и даже не удивили, а рассмешили. Мы сочли, что в праве вмешиваться в Его замысел, менять себя, созданных по образу и подобию, улучшать то, что улучшить невозможно. Нам всё время не хватает времени… всем нам – людям. Все хотят жить долго, лучше – вечно, но никто не спрашивает себя, что он будет делать с таким количеством дней? Но когда у тебя есть всё – ты сможешь придумать, чем занять вечность, ведь так? – Лорд Гамильтон улыбнулся. – Это был риторический вопрос. Для вас. А вот у моих родителей есть всё. Технологии, которые разработали до их рождения, позволят им прожить лет сто пятьдесят, сохраняя здоровье и относительную молодость. Признаки старения начнут проявляться приблизительно в сто двадцать… Неплохо, да?

Девушки сдержано кивнули.

Сегодняшний ужин несколько отличался от вчерашнего. Меню было иным, но поданные блюда оказались столь же изысканы. Обязательные платья – тут мисс Марлоу себе не изменила – но платья другие: алое у Шанти, зелёное у Адары. Гамильтон распорядился надеть AV-очки, но вредная мисс Марлоу запретила девушкам приходить в своих и выдала не очень удобные, но изящные произведения дизайнерского искусства, гармонично сочетающиеся с вечерними платьями. Ещё одним отличием стало то, что в столовой о делах не говорили – лишь светская беседа и шутки. После ужина переместились в библиотеку, и расположились в подготовленных креслах. Разумеется, старых, потрёпанных, местами рваных и покосившихся. Разумеется, очень удобных. Однако разговор лорд Гамильтон начал с весьма неожиданной темы.

– Мои родители счастливы, полны сил и здоровья. Они давно не живут вместе, но поддерживают хорошие отношения… Догадываетесь, кто их разлучил? Да… – Владелец «Инферно» медленно провёл рукой по бедру. – Они так хотели крепкого, здорового малыша, что едва не сошли с ума, получив от природы генетического урода. Все изменения и улучшения, которые они впихивали в меня на этапе зачатия – они все работают. Я тоже проживу минимум сто пятьдесят лет и начну стареть не раньше ста двадцати. У меня прекрасное здоровье, природный иммунитет

против большинства болезней… Только я не могу ходить и абсолютно стерилен. Игры с Богом часто заканчиваются не так, как ожидалось. Как было запланировано… – Он помолчал, позволяя девушкам осознать услышанное, а затем обратился к Шанти: – Я рассказал всё это, чтобы ты осознала глубину моей искренности. А искренен я, потому что считаю необыкновенно важной стоящую передо мной задачу. И хочу, чтобы ты работала над моим проектом так, словно это твой проект. Чтобы у тебя и мысли не возникло, что ты можешь не справиться. Потому что ты справишься, я знаю, ведь ты – умна и талантлива.

– Я очень постараюсь, – едва слышно ответила девушка.

– Пока мне достаточно этих слов. – Лорд Гамильтон чуть склонил голову.

«Незаметные» наполнили бокалы и покинули библиотеку. Мисс Марлоу вышла из-за спины владельца «Инферно» и встала позади расположившихся в кресле девушек. Лорд же подъехал к ближайшему книжному шкафу, посмотрел на корешки и улыбнулся:

– Меня вырастила бабушка, которая до конца жизни не могла себе простить, что согласилась на генетическую модернизацию своего сына, моего отца. Бабушка дала мне очень много и в том числе – любовь к чтению. Впрочем, что мне ещё оставалось? Жить в Метавселенной? Разумеется, я много бродил по цифровым пространствам, но не увлёкся. Мне всё время казалось, что в них чего-то не хватает. Чего-то такого, что должно быть обязательно, но отсутствие этого способны заметить только ценители, не ливеры. И однажды…

Лорд Гамильтон оставил шкаф и вернулся к девушкам. Взял со столика бокал с красным, сделал маленький глоток, не сводя взгляд с Шанти, помолчал, затем сказал:

– Ты прекрасно справилась с построением мультихаба.

– Спасибо, я…

– Тебе уже сказали, что «Инферно» – дом с привидением?

– Да, милорд. – На этот раз Гамильтон позволил девушке закончить фразу.

– Ты не веришь в привидения. – Он не спрашивал.

– Никогда с ними не встречалась.

– А нынче ночью?

– Возможно, это был кошмар.

– Возможно, – неожиданно легко согласился лорд. – Но ведь ты не станешь отрицать, что в нашем мире иногда случаются необъяснимые вещи?

– С этим утверждением я скорее соглашусь, – поколебавшись, кивнула Шанти.

– Иногда мы видим будущее, иногда нам начинает необъяснимо и необыкновенно везти. Иногда нам кажется – всего лишь кажется, ибо всё происходит крайне быстро – что мы видим существо из сказки, а иногда патологоанатомы чешут в затылках, не понимая, какое существо могло нанести смертельные травмы. Наш мир полон загадок и мой дом – сосредоточие одной из них, место страшного убийства и страшного проклятия.

– И вы хотите распространить его на все Метавселенные? – вырвалось у Шанти.

Она не отрываясь смотрела на Гамильтона и потому не увидела улыбку, скользнувшую по губам Адары.

– Видишь, ты поверила, – сказал владелец «Инферно», пригубливая вино.

Девушка ответила непонимающим взглядом, но сообразив, что имеет в виду лорд Гамильтон, смутилась и отвернулась.

– Нет, Шанти, я хочу отправить в Метавселенные не только проклятие «Инферно», но насытить их необъяснимыми, мистическими явлениями, без которых ни один мир не будет полным. Я хочу, чтобы в цифровых пространствах можно было насылать удачу или проклятие. Чтобы люди радовались, отыскав четырёхлистный клевер и плевали через левое плечо, если дорогу им перебежит чёрная кошка. Сейчас в Метавселенных нет чёрных кошек, и их появление – одна из моих задач.

– Но зачем?

Несколько мгновений лорд Гамильтон смотрел на девушку, а затем прищурился:

– Неужели ты действительно не понимаешь?

Произнёс, почти с жалостью. И в голосе его слышалось лёгкое разочарование.

Адара вздохнула. Мисс Марлоу осталась невозмутима, но всем своим видом говорила: «Не удивлена, милорд, деревенщина не способна осознать величие вашего замысла».

– Контроль, – догадалась Шанти.

– Ну, наконец-то, – рассмеялся владелец «Инферно», отсалютовав девушке бокалом.

– Вы собираетесь управлять необъяснимым?

– Не совсем так. Основная часть чертовщины будет происходить случайно или в результате сочетания того или иного числа факторов. Но я стану владельцем ключей необъяснимого.

– Как вы предполагаете это устроить?

– С помощью ботов, большая часть которых уже написана. Они проникают в Метавселенную и их дальнейшие действия полностью автономны.

– Вычистить их не составит большого труда.

– Поэтому ты здесь, Шанти, – мягко произнёс лорд Гамильтон. – Я хочу, чтобы ты написала для моих ботов «шапку-невидимку», скрывающую их от Четвёртого департамента. Я хочу, чтобы они свободно путешествовали по всем Метавселенным исполняя своё предназначение.

– Амбициозная задача.

– Остальные мне скучны.

– Для её решения требуются очень большие мощности.

– Под нами трёхэтажный подвал, площадь каждого этажа в семь раз превышает площадь особняка. И весь этот подвал набит вычислительной аппаратурой высочайшего класса. Я хорошо подготовился.

– Федеральные и муниципальные ключи?

– Они у тебя будут.

– Вы действительно всё можете?

– Ты до сих пор этого не поняла?

– Поняла в тот момент, когда не увидела на «оболочке» мисс Марлоу обязательной метки. В Метавселенных её принимают за человека.

– Могу себе позволить.

– А чем вы заплатите?

Лорд Гамильтон кивнул, показав, что согласен обсудить эту часть сделки, и осведомился:

– Что тебе нужно? Деньги? Просто назови сумму.

– Я заинтересована в гонораре, – не стала скрывать Шанти. – Но мне нужна услуга сверх него.

Она не стала уточнять, что людей, решивших предложенную ей задачу, не принято оставлять в живых.

– Что же именно? – заинтересовался владелец «Инферно».

– Бывшие контролёры Четвёртого департамента находятся под постоянным надзором, – ответила Шанти, глядя лорду в глаза. – Кроме того, я боюсь Кандинского. Он хотел меня убить, но не получилось. Он наверняка знает, что я выжила, а я не знаю, когда в его больной голове возникнет желание довести дело до конца.

– Ты хочешь исчезнуть, – понял Гамильтон.

– Это в ваших силах?

– Да, я смогу сделать для тебя новую личность. Причём – настоящую личность, которая пройдёт любую проверку. Ты получишь новое имя, если захочешь – новое лицо. То есть, абсолютно новую жизнь. Я даю слово, что могу. И сделаю.

– Ради этого я буду работать, как проклятая.

– Не надо, как проклятая. Работай так, как умеешь только ты – этого вполне достаточно.

– Мы договорились? – девушка подняла бокал.

– Да, Шанти, мы договорились.

* * *

– Кто здесь? – Джумали повернул голову вправо. – Шухрат, ты?

Лежащий на соседней койке юноша повернулся на голос, до этого он смотрел в другую сторону, и Джумали понял, что ошибся.

– Насиб!

– Шухрат лежит за мной, – сообщил Насиб. – И ещё Линар.

Поскольку слева от себя Джумали увидел стену, последовал логичный вопрос:

– А за Линаром кто?

– Больше никого. Мы здесь вчетвером.

Обнажённые, привязанные к медицинским кроватям широкими ремнями и до подбородков накрытые простынями. Помещение без окон, но аккуратное, светлое и, судя по тому, что пленники видели, в нём могло поместиться много больше четырёх коек.

– Почему головы перебинтованы?

– Нас налысо побрили.

– Зачем?

– Шайтан, как же чешутся руки… – протянул Насиб.

– Дать кому-нибудь по голове? – хмыкнул Шухрат.

– Если бы! По-настоящему чешутся – сил нет! И почесать не могу. – Насиб посмотрел на друга. – А у тебя?

– У меня тоже, – вздохнул Шухрат. – Но я терплю.

– Все терпят, – подал голос Джумали, которому казалось, что по всему телу ползают противные насекомые. То ли по телу, то ли под кожей.

– Не зря говорят, что в земле Шабах живут злые колдуны, – плаксиво добавил Линар.

– Держи себя в руках, – жёстко велел Джумали. – Мы живы, а это главное.

– Но что с нами сделали?

Чесались не только руки, но и тела, и было понятно, что чесались они не просто так. Да и перевязанные головы указывали на то, что пока пленники пребывали без сознания, над ними поработали хирурги.

– Может, нас заразили? – робко предположил Насиб.

– Нет, – уверенно ответил Джумали.

– Почему ты так думаешь?

– Зачем головы перебинтовали?

– Что?

– То.

– Джумали правильно говорит: если бы нас заразили, то зачем голову резать? – объяснил Шухрат боязливому другу.

– Нам головы резали?

– Иначе зачем их бинтовать?

А Насиб, увидев, что Линар испугался, с наслаждением добавил:

– Забинтовали, чтобы на месте оставались. Когда повязки снимут, наши головы раскроются, как разрезанные тыквы.

– Нет! – взвыл Линар.

– Конечно, нет, – громко произнёс Джумали. – Насиб, прекрати болтать ерунду.

– И это у тебя тыква, – хмуро бросил Шухрат.

Джумали же выждал несколько секунд, убедился, что друзья замолчали, обдумывая происходящее, и продолжил:

– Я думаю, нам вживили железо федералов и теперь мы не сможем вернуться в племя.

Потому что таков был закон территорий – жить здесь могли только те, кто не допускал в себя маленькие машины. Только свободные люди.

– Мне страшно, – всхлипнул Линар.

– А ты надеялся вернуться? – угрюмо спросил Шухрат.

Спросил непонятно у кого, но ответил Джумали:

– Мой отец мог нас выкупить.

– Тебя он мог выкупить, – уточнил Насиб. – Какое ему дело до нас?

– Если он выкупит только меня, а вас оставит на растерзание хозяину Шабах, это будет позор, – спокойно объяснил Джумали. – Люди не поймут.

– Твой отец – шейх.

– Поэтому он выкупит всех нас.

– Но ему наверняка скажут, что теперь в нас есть железо федералов. Мы перестали быть людьми и не нужны твоему отцу. Никому не нужны.

– Кроме хозяина Шабах, – заметил Насиб.

«Совершенно верно, без чипов и „паутины“[7] вы мне не нужны, – мысленно ответил юноше лорд Гамильтон, как раз включивший видео из камеры. – Эксперимент требует, чтобы ваша начинка полностью соответствовала начинке жителя агломерации».

В этом заключалось главное неудобство приобретения рабов:

их приходилось оборудовать привычными устройствами, то есть, тратить время на саму операцию и ждать, когда нейрочип и «паутина» приживутся. А это, в свою очередь, может привести к задержке в проведении эксперимента. Как сейчас, например.

Гамильтон отвернулся от монитора и с улыбкой посмотрел на мисс Марлоу:

– Почему до сих пор не открыты махалы в агломерациях? Всего-то нужно изменить пару-тройку законов и разрешить банкротам выставлять себя на торги. Или приравнять временное рабство к отбытию тюремного срока. Ведь по сути тюрьма и есть временное рабство. Они ведь там работают?

– Да, милорд, – подтвердила мисс Марлоу. – В частных пенитенциарных учреждениях заключённые обязаны трудиться. В противном случае к ним применяют все законодательно разрешённые меры: от помещения в карцер, до кратного увеличения срока заключения.

– То есть, человек может ни дня не работать?

– И никогда не выйти из тюрьмы.

– Ну, может кого-то это и устроит. – Гамильтон помолчал. – А как с этим обстоят дела в федеральных тюрьмах?

– Последняя федеральная тюрьма закрылась двадцать шесть лет назад, – сообщила нейросеть. – А в частных плохо относятся к бездельникам.

– Тем более, – с энтузиазмом продолжил Гамильтон. – Чем пребывание в этих заведениях отличается от рабства?

На этот вопрос у нейросети ответа не нашлось. Однако она сумела возразить:

– Вам нужны не рабы, а подопытные, милорд.

– В чём разница? – не понял Гамильтон.

– Ваши эксперименты смертельно опасны. Подопытные умирают.

– Ну и что? Господин имеет полное право делать со своим рабом всё, что ему заблагорассудится. В этом смысл рабства. И если глупый ливер задолжал такое количество кредитов, которое не способен выплатить за всю жизнь, он должен быть готов этой самой жизнью расплатиться. Это честно. Нужно будет подкинуть эту идею… ты знакома с нейросетью, которая пишет законы для ливеров?

– Знаю некоторых.

– Предложи им оформить мои слова в виде законодательной инициативы. В конце концов, нельзя не обращать внимания на возрождение классических форм социальных отношений, которое повсеместно происходит на территориях. Людям это нужно. – И сразу, без какого-либо перехода, бросил: – Мы теряем время.

Однако мисс Марлоу прекрасно поняла, что имеет в виду владелец «Инферно» – задержку из-за необходимости готовить подопытных – и хладнокровно произнесла:

– Время у нас есть, милорд. Шанти ещё не сделала свою работу, а без неё проект не будет запущен.

– Она сделает?

– Вы не уверены?

– Я уверен только в вас, мисс Марлоу. – Наедине со своей нейросетью, Гамильтон иногда путался в «ты» и «вы». – Только вы никогда меня не подводили.

Женщина церемонно склонилась, после чего продолжила:

– Я просматриваю, чем она занимается и уверена, что Шанти не бездельничает. Более того, мне кажется, ей удалось нащупать путь к цели и решение поставленной вами задачи займёт считанные дни.

– Иногда ты выражаешься так холодно… словно нейросеть.

Мисс Марлоу промолчала.

– Что ты думаешь о моём обещании ей?

– Вы можете это сделать, милорд. – Добавлять что-либо ещё экономка сочла излишним.

– Разумеется, могу, – усмехнулся владелец «Инферно», поглаживая подлокотники инвалидного кресла. – Но нужно ли это мне?

– Шанти талантлива и может быть полезной вам в дальнейшем, милорд.

– Она неуправляема, – поморщился Гамильтон. – Я не чувствую в ней истинного, искреннего послушания. Шанти не понимает и никогда не поймёт, что ей повезло найти в моём лице благосклонного господина, которому нужно верно и преданно служить. Адара поняла и приняла правила игры. А Шанти отчего-то верит, что простой человек может быть свободным, а люди – равными. Она многого добилась сама, верит в себя и никогда не поймёт, что ни по происхождению, ни по положению не ровня мне. Я для неё просто богатый наследник, а не её господин.

– Шанти очень талантлива, – негромко повторила мисс Марлоу.

– Но пока я склоняюсь к тому, что главным достижением её таланта и её жизни, станет выполнение моего нынешнего приказа.

* * *

– Что ты делаешь?! – взвизгнула Шанти.

– Всё будет хорошо, – пообещала Адара, сильнее нажимая на акселератор и уверенно входя в поворот. Плавно, но на такой скорости, что заставила подругу вцепиться руками в сиденье. – Неужели тебе не нравится?

Возможно, будь Шанти за рулём и обладай таким же опытом управления спортивными мобилями, какой, судя по всему, был у подруги, ей бы понравилось. И даже очень понравилось, поскольку «Ferrari Spurt», настолько приземистый, что девушки почти лежали в креслах, был идеально сбалансирован, великолепно держал дорогу и разгонялся с жадностью застоявшегося жеребца. Впрочем, Адара – его «наездница», тоже соскучилась по возможности как следует разогнаться, и не отказала себе в удовольствии показать подруге всё, что умеет.

О прогулке они договорились вечером, Адара предложила «покататься, а то засиделись в поместье», и Шанти согласилась, потому что действительно хотела развеяться. Спросила, не опасно ли это, в ответ услышала напоминание о том, что «племена знают правила», и успокоилась. Утром, увидев «Ferrari», выразила изумление, на что Адара лишь махнула рукой: «У лорда много игрушек», а затем последовал скоростной заезд по окрестностям, под восклицания Шанти и смех Адары. Постоянное ощущение близости катастрофы и той свободы, которую способна дать только скорость. Шанти много раз замирала от страха, сначала злилась на подругу, но затем поняла, что вжимающий в кресло страх – сладкий, который хочется переживать вновь и вновь, потому что между его приступами душу наполняет восхитительное и абсолютно невероятное ощущение полёта над землёй, над серой полосой асфальта, кажущейся дорогой в другое измерение.

Шанти боялась и наслаждалась одновременно. Повизгивала от ужаса, иногда бессвязно восклицала что-то и почувствовала сожаление, когда Адара свернула на ведущую к воротам дорожку. А ещё удивилась, увидев, что по окрестностям они гоняли больше часа – на эмоциях время пролетело незаметно.

– Почему тебя не удивило, что я умею управлять спортивным мобилем? – спросила Адара после того, как один из «незаметных» сел в «Ferrari», чтобы отогнать в гараж, а девушки подошли к лестнице.

– Ты здесь не в первый раз, – улыбнулась в ответ Шанти. – Увидела машину и попросила милорда дать покататься. Ему, как я понимаю, она без надобности?

– Такой машиной нужно уметь управлять, – обронила Адара.

– Тут тоже удивляться нечему, захочешь рассказать, где научилась – расскажешь.

– У меня была возможность научиться.

– Захочешь – расскажешь, – повторила Шанти, потому что ничего не должна была знать о прошлом подруги. Для неё история Адары должна была начаться с их встречи месяц назад и опиралась на скупые рассказы, которыми подруга изредка делилась. На этом – всё.

И сейчас продолжения не последовало: Адара кивнула, поблагодарив Шанти за неназойливость, и почти светским тоном поинтересовалась:

– Как твои изыскания?

– Не так быстро, как хотелось, но кажется, я уловила, как можно решить поставленную лордом Гамильтоном задачу, – честно ответила Шанти. Идея бросить вызов существующими системам безопасности и контроля за Сетью увлекла девушку, и три последних дня она провела за работой, лишь изредка отвлекаясь на еду, но появляясь на ней – даже на ужинах! – в полной рассеянности. К которой все относились с пониманием. И именно поэтому – чтобы хоть ненадолго вырваться из недр электронных кодов, Шанти с радостью ухватилась за предложение покататься.

– Ты сможешь создать «шапку-невидимку»?

– Разве не в этом заключалась задача? – вопросом на вопрос ответила Шанти.

– В этом, – согласилась Адара. – Просто я… удивлена. Лорд приказал тебе сделать невозможное, а ты… ты сделала.

– У меня ещё ничего не получилось.

– Но ты уверена в успехе.

– Не уверена, я планирую его добиться. – Шанти помолчала, а затем неожиданно спросила: – А что ты думаешь об этом проекте?

– Моё дело маленькое, – вздохнула Адара. – Я занимаюсь домом, а когда окончательно закончу с ним – начну оцифровывать библиотеку. Не всю, конечно, но лорд сказал, что часть книг он готов переместить в Метавселенные.

– Интересное занятие, – обронила Шанти.

– Ага, – беззаботно подтвердила Адара. – А главное – прибыльное. Лорд весьма щедр.

– Но что ты думаешь о проекте?

– Я о нём ничего не думаю и тебе не советую. – Адара внезапно перешла на очень серьёзный тон. – Лорд увлечён и хочет получить то, что задумал. Не мешай ему бороться со скукой.

– Меня завораживает и задача – обмануть системы безопасности, и замысел привнесения в Сеть мистических явлений. – Шанти улыбнулась. – Этого действительно не хватает.

– Ты прониклась духом дома?

– Возможно.

– Видений больше не было?

– Нет. – Девушка помолчала. – Но иногда мне кажется, что дом готовит мне какой-то сюрприз.

* * *

Шабах…

Запретное место, тайное и таинственное. Таких поместий на территориях было много – хозяева планеты с удовольствием покупали особняки, замки и дворцы с прилегающими землями, и приближаться к ним было строжайше запрещено. Так же, как и нападать на гостей и рабочих. Много лет назад, когда мода на европейскую аристократическую недвижимость только вернулась в высший свет, одно из племён предприняло рейд на недавно отремонтированный замок: убили нескольких слуг, взяли богатую добычу, сожгли флигель и несколько роскошных мобилей. И в ту же ночь получили жестокую «ответку» – военные провели образцово-показательную операцию, накрыв поселения племени ракетными ударами, а выживших добили десантники. Урок запомнился и племена стали обходить владения аристократов стороной, делали вид, что их не существует. Однако это поместье обходили ещё до того, как случился кровавый урок: оно имело дурную славу и особое название – земля Шабах. И люди верили, что в старом доме живёт злой дух. А после того, как поместье обрело хозяина, дурная слава не растаяла, потому что рабы, которых владелец периодически покупал в «Кентукки», никогда не возвращались, и все были уверены, что несчастных скармливают злому духу.

Так это или нет, Камалетдин достоверно не знал, но к кованым воротам подошёл с тяжёлым сердцем, догадываясь, что от визита не будет толка. Подошёл один – внедорожник остался в двадцати метрах позади – взял у подлетевшего дрона очки, надел их и увидел стоящего перед воротами мужчину, молодого, не более тридцати, с длинными светлыми волосами, стянутыми на затылке в «хвост». Одет мужчина был в щегольский чёрный костюм, белоснежную сорочку и блестящие туфли. На вождя племени мужчина смотрел с лёгким интересом, удивляясь его настойчивости, а на телохранителей бросил всего один высокомерный взгляд и отвернулся.

– Приветствую тебя, хозяин Шабах. Меня зовут шейх Камалетдин.

– Приветствую тебя, шейх. Зачем ты хотел меня видеть?

Представляться мужчина не собирался, однако Камалетдин догадывался, что разговор пойдёт по этому сценарию, поэтому спокойно продолжил:

– Уверен, вы слышали о моей беде.

Несколько мгновений мужчина с недоумением смотрел на шейха, после чего поморщился:

– Уверен, ты слышал, что я не интересуюсь повседневной жизнью племён.

Пришлось унижаться рассказом.

– Несколько дней назад мой старый враг, шейх Пазыл, похитил моего сына – Джумали и, желая оскорбить меня, продал его в рабство. Но не в «Кентукки», я в этом уверен. Поэтому приехал к вам – узнать, не приобретали ли вы недавно четырёх мальчиков и просить о разрешении выкупить их.

Слово «просить» шейх произнёс очень правильным тоном, никто бы не подумал, что оно далось ему через силу, однако унизительная почтительность не помогла.

– Покажи мне его изображение, – велел мужчина.

Камалетдин с готовностью открыл на планшете фотографию сына и вздрогнул, услышав равнодушное:

– Нет, я его не видел.

– Я готов выкупить всех мальчиков по цене, втрое превышающую уплаченную вами, господин.

– Я думаю, тот Пазыл продал твоего ребёнка проезжему работорговцу, чтобы он быстрее увёз его на земли других племён, – ответил хозяин Шабах. – Пазыл понимал, что только так ты не сможешь вернуть сына.

Ответ прозвучал точкой. Разговор закончился. Однако Камалетдин понял главное – собеседник лжёт, он купил Джумали и его друзей, но по каким-то причинам не хочет отдавать. Возможно, потому что Джумали уже мёртв. Понял, но унижаться криком не стал, ибо бесполезно, с достоинством кивнул и негромко произнёс:

– Скорее всего так и было, господин.

– Иди с миром, шейх.

Убедившись, что Камалетдин вернул AV-очки дрону, Гамильтон отключился от трансляции, но свою гарнитуру не снял, а повернулся к мисс Марлоу и грубовато поинтересовался:

– Что не так? – За много лет совместной жизни, лорд научился чувствовать неудовольствие нейросети.

– Почему вы не отдали дикарю сына, милорд?

– Пришлось бы отдать всех.

– Ну и что?

Некоторое время Гамильтон мрачно смотрел на экономку, но

обрывать разговор не стал:

– Вы не хуже меня знаете, мисс Марлоу, что дикари не принимают тех, в кого вживлён нейрочип. Щенки стали бы изгоями…

– Но мы не испортили бы отношения с местным племенем.

– Я не закончил! – рявкнул Гамильтон.

– Извините, милорд.

Гамильтон помолчал, успокоился и следующие фразы произнёс совсем другим тоном:

– Если бы я отдал мальчишек, пришлось бы покупать и оперировать новых рабов, на что ушло бы не менее трёх дней.

– Шанти ещё не добилась результата, – напомнила мисс Марлоу.

– Не важно. Шанти близка, вы сами об этом говорили. И я хочу, чтобы к тому моменту, когда Шанти создаст для наших ботов «шапку-невидимку», технология Адары была отточена до совершенства. Я так хочу.

– Да, милорд.

Когда Гамильтон говорил «Я так хочу!» спорить не имело смысла.

Причину хозяйского нетерпения мисс Марлоу прекрасно понимала: проект, который владелец «Инферно» считал главным делом своей долгой жизни, готовился к запуску. Боты разработаны, протестированы и готовы наполнить цифровой мир мистическим дыханием; осталось дождаться Шанти и довести до совершенства смертельные удары, которые по приказу из Сети наносили своим владельцам нейрочипы. За эту часть технологии отвечала Адара – её лорд Гамильтон переманил у военных, выплатив авансом колоссальный гонорар, а заодно подарив новую личность – чтобы старые работодатели не беспокоили. Военные остались без учёного и без технологии, а Гамильтон обрёл и то, и другое. И был абсолютно доволен сотрудничеством: Адара была ему абсолютно верна, а результаты её работы приводили лорда в восхищение. Поэтому, бросив экономке:

– Забудьте о дикарях, мисс Марлоу, они привычные и нарожают других детей. – Гамильтон вызвал Адару и поинтересовался: – Есть на что посмотреть?

Ему требовались положительные эмоции.

– Да, милорд, – ответила девушка.

И Гамильтон улыбнулся ещё шире, увидев на мониторе сидящего в кресле Линара: связанного – руки и ноги юноши обхватывали плотные ремни; и обнажённого, поскольку лорд любил наблюдать физические результаты эксперимента. Верхнюю половину лица молодого воина скрывали массивные AV-очки.

– В настоящий момент подопытный считает, что совершил удачный побег, – объяснила происходящее Адара. – Очнувшись, он обнаружил себя в разгромленной комнате, свободным от ремней и увидел нескольких мёртвых охранников. Подопытный решил, что на дом была совершена атака, однако его, по каким-то причинам забыли в подвале. Он покинул дом и направляется к внешней ограде. Он уверен, что сможет её преодолеть и окончательно освободиться.

Юноша дышал часто, словно действительно бежал по полю, а выражение его лица было напряжённым, но не напуганным. Он знал, что должен делать и не сомневался в успехе.

– Дай мне видео из Сети.

– Да, милорд.

На большом центральном мониторе появилось несколько «окон» с разных камер, показывающих происходящее в созданной для Линара симуляции.

Вот он бежит через лес, ловко огибая деревья и плотные кусты; вот останавливается, изучая оказавшуюся на пути просеку; понимает, что она тянется далеко, не обогнёшь, и решает её перебежать. Срывается с места, мчится к другой стороне, но когда до деревьев остаётся не более тридцати шагов, дорогу Линару преграждает высокий, кажущийся слегка неуклюжим мужчина в набедренной повязке. Лысый, с большими ушами и очень широким, тонкогубым ртом.

– А вот и наш бот, – прокомментировала Адара.

– Внешний вид так себе, – оценил Гамильтон. – Для агломераций нужно будет придумать что-нибудь поинтереснее.

– Да, милорд.

– Он больше походит на вампира.

– Я это отмечу, милорд.

– И почему нет полной Луны?

– Это моё упущение, – вздохнула мисс Марлоу.

– В Метавселенных оборотни должны появляться только во время полнолуния. Никаких исключений.

– Да, милорд.

Линар остановился. Мужчина задрал голову к небу, издал короткий вой, затем вперился в юношу жутким, полным ярости взглядом, и стал меняться: его руки и ноги превратились в когтистые лапы, тело покрыла густая серая шерсть, появился хвост, лицо вытянулось, обернувшись мордой крупного волка, который больше не выл, а угрожающе рычал.

– Показатели соответствуют требуемым. Подопытный уверен, что видит оборотня и пребывает в ужасе.

– Что сделано для того, чтобы объект атаки не разорвал

соединение? – тут же спросил Гамильтон. – Чтобы спастись, ему нужно всего лишь снять AV-очки.

Не Линару, конечно, Линар связан и останется в симуляции до конца, а вот обычный ливер может ускользнуть.

– Атака начинается до визуального появления бота, – напомнила Адара. – Сначала вирус проникает в «оболочку» и отправляет в «паутину» ложные сигналы. Объект атаки цепенеет, что даёт нам не менее десяти секунд для полноценной визуализации оборотня. На самом деле – больше. По моим расчётам, которые подкреплены статистикой, через десять секунд лишь девятнадцать процентов объектов найдут в себе силы снять AV-очки. Но возвращение в реальность не мгновенно, оно занимает не менее пяти секунд, сигнал же продолжит поступать в нейрочип, так что примерно четверть из этих девятнадцати процентов не сумеет вырваться. У остальных останутся шрамы.

– Да, я вижу. – На мониторе оборотень рвал жертву на куски, но лорда Гамильтона интересовало то, что с несчастным Линаром происходило в реальности. Он вновь вернулся к поступающему из камеры изображению и жадно наблюдал за появляющимися на теле юноши ранами.

– В настоящий момент «паутина» не обладает достаточной мощностью, чтобы создать глубокие, смертельные порезы на теле объекта атаки, мы можем только обозначить их. А физическая смерть объекта наступит вследствие остановки сердца. – Адара мило улыбнулась. – Эта технология отработана полностью, осечки не будет.

За этой технологией гонялись военные, эту технологию они не получили.

– Я надеялся на нечто большее, – буркнул Гамильтон.

– Картинка в Метавселенных будет выглядеть убедительно и реалистично.

– В симуляции всё действительно выглядит неплохо, – подытожил лорд, разглядывая то мёртвого юношу над которым выл окровавленный оборотень, то оригинал в кресле. – Мисс Марлоу?

– Я нахожу результаты опыта впечатляющими, милорд.

– Вот и хорошо. – Лорд Гамильтон поправил AV-очки. – Теперь всё зависит от Шанти.

* * *

Которая в это мгновение валялась на траве, изредка отмахиваясь от надоедливых насекомых, но беззлобно

отмахиваясь, в какой-то мере наслаждаясь их приставаниями. И наслаждаясь каждым проведённым на природе мгновением.

Парк «Инферно» полностью соответствовал поместью: представлял собой искусно созданный уголок, некогда регулярный, но давным-давно заброшенный. А затем – искусно и профессионально доведённый до состояния утончённой неухоженности. Дорожки во многих местах взломаны травой и кустарником. Деревья подстрижены так, чтобы казаться неподстриженными. Мраморный фонтан декорирован высохшей тиной. Некогда изящный грот похож на вход в пещеру убийцы, а поток маскирующего его водопада кажется чёрным.

В свой первый день Шанти расположилась в беседке – разумеется, полуразрушенной – но сбежала из неё, несмотря на наличие удобного столика и необычайно комфортного полукресло, выглядевшего так, словно вот-вот развалится. Сбежала, чтобы расположиться на траве, а приставленный «незаметный» тут же принёс покрывало. С тех пор девушка работала валяясь в тени большой ивы, клонящейся к заросшему лилиями пруду. Работала, перебирая полученные от мисс Марлоу федеральные ключи, прикидывая, как можно обойти их не оставив следов и спрятаться от поисковых ботов, как существующих, так и тех, которые разработают спецы Четвёртого департамента, узнав о замысле лорда Гамильтона.

Что они могут? Всё. Кроме одного – никто не позволит переформатировать всю Сеть, уничтожая колоссальный массив накопленной информации. А значит, нужно сделать так, чтобы уничтожить «мистических» ботов можно было только таким способом. Сделать это было непросто, но при наличии полного доступа во все закоулки Сети и таланта, вполне достижимо. Шанти не просто прятала их под «шапкой-невидимкой», но вплавляла в структуру цифрового пространства, делая органичной её частью. Наполняла нули и единицы алгоритмами, срабатывающими на древние поверья, а значит – оживляющими их, превращающими в реальность. В цифровую, математически выверенную реальность.

Шанти перевернулась на спину и, глядя в ясное, безоблачное небо, попыталась представить, как это будет. В Сети. А точнее – в Метавселенных. В цифровых пространствах, которые, как всё, разработанное технарями, строго продумано, практично, удобно и предсказуемо. И вот его наполнят мистические явления… Появится нечто необъяснимое, как выразился лорд Гамильтон. Необъяснимое для ливеров, а в действительности это будут незаметные и неуловимые, снующие повсюду боты, реагирующие на определённые сочетания факторов и вызывающие последствия.

Самые разные последствия, главное, чтобы ливеры увязывали их между собой: сочетание факторов и последствия. Чёрная кошка перебежала дорогу, человек не плюнул трижды через левое плечо и дальше… у него, допустим, растает часть «оболочки», нужно будет перегрузиться. Или забарахлит цифровой кошелёк. Или временно откажет какая-нибудь функция, например, зрение – в Сети, разумеется, только в Сети. Придумать можно всё, что угодно, а главное, подобные вирусы нетрудно запустить в «оболочку» объекта. А можно совсем испортить, исказить «оболочку», но это потребует наложения проклятия. Можно запретить «оболочке» перемещаться за пределы неких координат, что тоже приведёт к серьёзному и дорогостоящему ремонту цифрового образа.

Придумать и реализовать можно абсолютно всё, но что это привнесёт в Метавселенную?

Неужели и впрямь сделает её похожей на реальный мир?

* * *

Камалетдин знал, что племя на призыв не откликнется.

И правильно сделает.

И ещё знал, что в любом случае не стал бы призывать своих людей совершить атаку… пусть и имеющую все шансы на успех, но самоубийственную атаку на землю Шабах. Камалетдин был их вождём, но не господином, и не хотел губить. И ещё знал, что сам не может поступить иначе – пойдёт. Раз есть надежда на успех – пойдёт обязательно, и потому собрал на встречу только тех, кто, как он надеялся, тоже пойдёт, потому что не сможет иначе: отцов и родственников пропавших мальчишек. А так же отцов и родственников убитых мальчишек. Собрал поздним вечером, на заброшенной ферме, расположенной в трёх километрах от границы Шабах и, когда все приехали, поднялся на полуразрушенное крыльцо дома и обвёл настороженных воинов медленным взглядом.

– Вы знаете что произошло с нашими детьми, как с ними поступил Пазыл. Сейчас эта собака мертва, но мы не добились того, чего хотели – не вернули детей. Я знаю точно, что Пазыл не убил их, а продал. Я знаю точно, что Пазыл продал наших детей не в «Кентукки», а владельцу Шабах. Я говорил с ним, умолял вернуть мальчиков, но получил отказ. Я предложил ему намного больше, чем он заплатил, но колдуну Шабах не нужны деньги – ему нужна кровь. – Камалетдин выдержал короткую паузу, а затем резанул: – И я хочу дать ему крови, которая ему так нужна.

Я хочу, чтобы он напился ею, умылся ею и захлебнулся в ней. Я хочу зайти в его дом, убить его и забрать наших детей. Я так хочу.

Почти полминуты во дворе фермы царила тишина, а затем отец Насиба сказал:

– Нас накажут.

Все знали, что так будет.

– Мы не сможем войти в Шабах, – сказал отец Линара. – У него есть оружие, которое убьёт нас на подступах.

– Сможем, – очень уверенно ответил Камалетдин. – Я бы не позвал вас, если бы не был уверен, что получится. Я знаю как войти в Шабах, как убить всех, кого мы захотим убить и вызволить наших детей. Это будет опасно, вернутся не все, но я пойду с вами и пойду первым, и вы увидите, как мы это сделаем.

Все знали, что Камалетдин здоров и полон сил, и собирается править племенем ещё долгие годы, и потому высоко оценили его заявление, поверили, что шейх действительно продумал план нападения и уверен в успехе. Это приободрило воинов, однако оставался очень важный вопрос.

– Нас накажут, – повторил отец Насиба.

И понимание этого факта могло остановить кого угодно, даже разъярённых, потерявших сыновей отцов.

А Камалетдин не мог открыть правду. Не мог рассказать, как вчера ночью, когда он выл от ярости и бессильной злобы, через открытое окно его комнаты влетел уже знакомый дрон с уже знакомыми очками. Сначала шейх обрадовался, решил, что хозяин Шабах сменил гнев на милость и всё-таки решил вернуть детей – и не важно какие деньги или услуги он потребует взамен. Но надев очки, Камалетдин увидел перед собой не белокурого мужчину в элегантном костюме, а совсем другого человека. Проявившего удивительную осведомлённость в делах, а главное – в желаниях шейха. Человек объяснил, чем они с Камалетдином могут быть полезны друг другу, почему они могут быть полезны друг другу, а главное – почему он не обманет шейха. Человек объяснил и Камалетдин поверил. А сейчас ему нужно было сделать так, чтобы ему, а не таинственному союзнику, поверили его воины.

– Когда я понял, что наши дети попали к хозяину Шабах, я постарался узнать о нём как можно больше. Я заплатил много денег людям из «Кентукки», которые ведут дела с федералами, и выяснил, что этот человек скрывает от своих то, что делает здесь. Он проводит в доме эксперименты, с помощью которых желает обрести преимущество. Он играет против своих и его тайные эксперименты…

– За него не будут мстить?

– Скорее всего будут, – не стал скрывать Камалетдин. – Но племя не тронут.

Он не был уверен в словах, но говорил убеждённо.

– Как вы сможете это доказать?

– Помолчи! – подал голос отец Шухрата. И посмотрел на Камалетдина: – Шейх, наши дети в Шабах?

– Да, – кивнул Камалетдин.

– Значит, я иду с вами.

* * *

Никто не сказал, что сегодняшний ужин будет особенным, но это *подразумевалось*. Намёки Шанти, которая не любила хвастаться результатами, пока их не получит и доклады мисс Марлоу, в обязанности которой входил контроль за работой девушки, привели к тому, что стало *подразумеваться*: сегодняшний ужин – особенный. Об этом не говорилось, но все об этом знали. И потому к вечерним платьям: чёрному для Шанти, розовому для Адары, прилагались жемчужные гарнитуры: чёрный для Шанти, розовый для Адары. Свечей в столовой оказалось много больше обычного – комната была освещена почти полностью, а в движениях и фразах лорда Гамильтона чувствовалось нетерпение. Он не хотел его демонстрировать, но в некоторые мгновения не мог сдержаться. Он жаждал получить то, что уже считал своим, то, из-за чего ужин *подразумевался* особенным, однако воспитание взяло верх и во время еды владелец «Инферно» ни разу не обмолвился о делах. И лишь за десертом слегка коснулся темы:

– Это естественно для людей: и для ливеров, и для биггеров, и для таких, как я. Не говоря уж о дикарях с территорий.

Понять, что он имеет в виду, у девушек получилось не сразу, однако пауза не затянулась.

– Вы говорите о необъяснимом, милорд? – уточнила Адара.

– Разумеется, – небрежно ответил Гамильтон.

– Жить в ожидании чуда? – Шанти грустно улыбнулась.

– Верить, что чудо возможно. – Гамильтон поднял указательный палец. – Ждать рано или поздно надоест, а веру люди проносят через всю свою жизнь и передают детям.

– Вы хотите дать Метавселенным веру?

– Необъяснимое и есть вера, – очень серьёзно ответил Гамильтон. – Чудо – есть вера. Но я хочу дать веру не Метавселенным, а людям. И не дать, а напомнить о том, что она всегда была с ними и всегда была частью их – вера в чудо.

Напомнить о том, что куда бы они не отправились: в Метавселенную, на Марс или на планеты Сириуса, вера всегда будет с ними. Как и ожидание чуда. И пока вера в них жива – они будут оставаться людьми.

– Вы хотите сказать, что людьми, в полном смысле этого слова, являются исключительно верующие? – удивилась Адара.

– Людьми, в полном смысле этого слова, являются исключительно те, кто знает, что есть необъяснимое и прилагает усилия, чтобы его объяснить. Даже если не получается – сам факт существования необъяснимого подстёгивает человеческий разум к поиску, к размышлениям о том, чего ещё нет, заставляет думать не только о повседневных потребностях. И тем отличает от животных. – Гамильтон помолчал. – Мир, в который радостно окунулись ливеры, комфортен и понятен. По своей сути он и впрямь является концом истории, поскольку создаёт иллюзию того, что стремиться больше некуда, что всё достигнуто, что Метавселенная есть Элизиум версии «Сейчас», в котором каждый обретает то, что захочет. Они строят себе гигантские дворцы, катаются на дорогих машинах и пьют коллекционные вина. Но всё перечисленное и многое другое, следует взять в кавычки, поскольку всё это – не более чем симулятор. Симулятор безумия. Их безумия и лености ума. Они позабыли о том, что за рамками обыденности существует нечто большее, нечто необъяснимое. И я им об этом напомню.

– С помощью веры?

– А как ещё разбудить разум?

Несколько мгновений все молчали, обдумывая яркую и яростную речь Гамильтона, произнесённую эмоционально и убеждённо. А затем Адара сказала:

– Колоссально.

А Шанти тихо обронила:

– И вас до сих пор не пытались убить?

Однако реплики девушек заглушила громкая фраза мисс Марлоу:

– Вы будете удивлены, милорд, но нас атакуют.

И где-то вдалеке послышался грохот взрыва.

– Те самые дикари? – Владелец «Инферно» не особенно удивился известию.

– Совершенно верно, милорд.

– Это даже забавно. – Гамильтон взял в руку бокал. – Давайте подойдём к окну и посмотрим, как их убьют. А потом продолжим ужин.

* * *

Безжалостно.

Это было самое трудное решение, которое Камалетдину пришлось принять в жизни. Одно из самых трудных – не очень-то легко отправлять в самоубийственную атаку отличных воинов. И себя в том числе. Отправлять хладнокровно и обдуманно. Безжалостно. Но поступить иначе Камалетдин не мог: хозяин Шабах должен был поверить в серьёзность нападения и ввести в бой всё своё оружие. В этом заключался замысел штурма, который ему объяснил предатель, опять предатель… Он объяснил, чего хочет добиться и почему невозможно иначе, Камалетдин согласился, во главе ударной группы отправился «пугать» хозяина Шабах. И надеяться, что всё получится.

Два бронетранспортёра и два бронированных грузовика снесли ворота и ворвались на территорию поместья. Из тяжёлого вооружения – разрешённые к продаже племенам тридцатимиллиметровые пушки и пулемёты. И двадцать бойцов под командованием шейха – он сдержал слово и отправился на самый опасный участок. И предельно простая задача – добраться до дома.

Камалетдин знал, что задача не имеет смысла: пули патрульных дронов не могли пробить броню машин, злобно долбили по защите, но не пугали сидящих внутри воинов. Однако в дом на грузовике не проедешь, придётся выходить и становиться мишенью для безжалостного – снова это слово – роя механических убийц. Или уезжать, признавая поражение. Признавая, что нападение было эмоциональным, а не обдуманным.

Атака была обречена, и лорд Гамильтон, хладнокровно наблюдающий за машинами, прекрасно это понимал. Напряжение не овладело им, а сама ситуация представлялась игрой в «кошки-мышки», каковой она в тот момент и была. Происходящее забавляло Гамильтона, не более, и чтобы усилить впечатление, он распорядился:

– Мисс Марлоу, поднимите ударный дрон. Хочу насладиться красотой разрушения.

– Да, милорд. – Экономка выдержала короткую паузу. – Ваш личный код, пожалуйста.

Охраняющие поместье дроны, хоть и были вооружены, считались частью «стандартного оборудования» загородного особняка, частью сигнализации, призванной не только обнаружить нарушителя, но и ликвидировать его. А тяжёлые боевые машины, ждущие своего часа в подземном ангаре, входили в набор «экстренных мер» и для их применения требовалось подтверждение главного администратора, каковым

являлся лорд – единственный человек, обладающий абсолютным доступом ко всем ресурсам «Инферно».

– Ваш личный код, пожалуйста.

– Брось мне управление.

– Уже, милорд. – Мисс Марлоу знала, как поступит Гамильтон.

– Не часто приходится играть в настоящие игры, – улыбнулся владелец «Инферно», пригубливая вино. – Для начала сделаем небольшой «Бум!»

Ангар находился под парком, взлетевший дрон оказался скрыт от нападавших деревьями и особняком, к тому же Гамильтон не стал поднимать его слишком высоко, по широкой дуге увёл в сторону, чтобы вывести на ударную позицию, и только тогда пустил первую ракету.

– Есть!

Грузовик подпрыгнул, приняв удар в двигатель, несколько раз перевернулся и остался лежать на дороге, постреливая сдетонировавшим боекомплектом. А в разорванную защиту мгновенно влетели миниатюрные дроны-камикадзе – они отыскивали выживших, врезались в их головы и взрывались.

– Какая красота! – не удержался лорд, разглядывая горящий грузовик.

– Вы планируете взорвать все машины, милорд? – ровным голосом осведомилась мисс Марлоу.

– Нет, конечно, – рассмеялся Гамильтон. Лорд полностью погрузился в Сеть и его пальцы летали по виртуальной клавиатуре с неимоверной скоростью. Шанти с некоторым удивлением отметила, что несмотря на привязанность к реальности, владелец «Инферно» весьма уверенно чувствует себя в Цифре. – Они явились за своими детьми, так почему бы им не встретиться с нашей пехотой?

* * *

Джумали проснулся внезапно: открыл глаза и улыбнулся, ощутив себя отдохнувшим, полным сил, а главное – свободным. Ещё в камере, но уже не связанным. Проснулся с пониманием, что что-то изменилось. Что-то очень важное. Не закончилось, но подарило надежду на спасение. Проснулся и услышал негромкий голос:

«Я помогу…»

– Кто ты? – Джумали привстал и огляделся. – Где ты?

«В твоей голове».

– Проклятие! – Юноша вспомнил бинты и чешущееся тело, вспомнил об операции и выругался: – Он сделал нас другими!

Улыбаться больше не хотелось.

«Зато теперь мы можем незаметно общаться».

– Зачем?

«Я хочу его убить».

– Почему?

«Он заставляет меня служить».

И то, с какой яростью была произнесена фраза, заставило юношу безоговорочно поверить голосу в голове.

– То есть, мы союзники?

«Да, Джумали, и я, поверь, очень хороший союзник. Посмотри на себя».

И только сейчас молодой воин понял, что вооружён. Вооружён и защищён. И это не сон. Он поднялся с койки и медленно осмотрел снаряжение, в которое его кто-то облачил: удобнейший чёрный комбинезон, наколенники, налокотники, перчатки, идеально подогнанный бронежилет, разгрузка и глухой шлем, на экране которого отображалась тактическая информация.

Странно, что он не обратил на экран внимания когда проснулся.

– Как ты это сделал?

«Обманул его. Сказал, что я вас полностью контролирую. Автомат справа, прислонён к стене».

– А мои друзья?

«Сейчас проснутся… – Пауза. – Дерьмо!»

– Что случилось? – вздрогнул Джумали.

«Он понял, что я его обманул и вызвал подкрепление! – Голос стал нервным. – Они подъезжают к дому на машинах. Если вы прорвётесь, то обретёте свободу! Джумали, теперь вся надежда на тебя! У него не очень много людей… нужно сражаться…»

Голос исчез. Впрочем, с того момента, как в руках юноши оказался автомат, в его присутствии уже не было особенного смысла, ведь теперь всё действительно зависело только от него.

На тактическом экране шлема всплыло «окно» с установленной перед особняком видеокамеры и Джумали увидел подъезжающие броневики с опознавательными знаками частной охранной компании – группа быстрого реагирования!

– Сейчас вы узнаете, как связываться со свободными людьми! – рассмеялся юноша и громко позвал: – Шухрат! Насиб!

Парни поднялись и недоумённо уставились на Джумали.

– У нас есть возможность обрести свободу, – сообщил друзьям сын шейха. – Просто нужно кое-кого убить.

И в это мгновение в коридоре завыла сирена.

* * *

До главного крыльца добралась только одна машина.

Второй грузовик дрон подорвал вслед за первым, выпустив ракету до того, как подбитая машина развалилась на дороге, а бронетранспортёр – только что: после попадания он потерял управление и врезался в фонтан. Но капсулу сохранил – дроны-камикадзе, молниеносно определяющие и оценивающие пробоины, продолжили виться над машиной в надежде, что перепуганные бойцы вылезут наружу. Камалетдин, в свою очередь, порадовался тому, что сидящие в подбитом бронетранспортёре воины сумели сохранить хладнокровие, но тут же сосредоточился, услышав логичный вопрос:

– Что дальше, шейх?

Они у дома, но ситуация патовая: выйдешь – тут же попадёшь под огонь дронов. И большой, ударный, уже подбивший три машины, где-то рядом, возможно, заходит на них, готовясь пустить ракету. Что дальше? В чём суть атаки?

– Сейчас, – спокойно ответил Камалетдин, искренне надеясь, что не стал жертвой жестокого розыгрыша. – Сейчас…

И «сейчас» наступило – дрон, вившийся напротив лобовой камеры, неожиданно отключил двигатели и упал на землю. Через мгновение за ним последовали остальные, в том числе – миниатюрные камикадзе, смертоносные «тельца» которых коротким дождём постучали по броне машины. А здоровенный ударный дрон отвернул с курса, заложил широкую дугу и на полной скорости вонзился в землю, взорвавшись с оглушительным грохотом. Взорвавшись так, что тряхнуло и бронетранспортёр, и особняк.

Но смех Камалетдина прозвучал ещё громче:

– Дом наш! – Он распахнул десантный люк и выскочил из бронетранспортёра. – Вперёд!

И закричал, приняв в бронежилет сразу три автоматные пули. Покатился по земле, громко ругаясь и с лихорадочной скоростью пополз за массивное колесо – укрыться. А вот отцу Насиба повезло меньше: он получил пулю в лицо и мешком осел на дно бронекапсулы.

– Под огнём!

Из дома выскочили три бойца в чёрных комбинезонах и, умело прикрывая друг друга, повели атаку на бронетранспортёр. Двое взяли распахнутые люки под перекрёстный огонь, а третий ушёл правее, почти не стрелял, не желая привлекать внимание и готовясь забросить внутрь машины противотанковую гранату. Их появление оказалось и неожиданным, и стремительным,

действовали они решительно и скоординированно, и должны были перебить опешивших бойцов Камалетдина, но ситуацию спасли воины из второго бронетранспортёра. Выжив после ракетного удара, оглушённые, едва пришедшие в себя, они поняли, что дроны отключились, но первая группа заблокирована и вернулись в бой. Покинули бронетранспортёр, широким полукругом охватили крыльцо и дали по нему два подряд залпа из подствольных гранатомётов, под взрывами и дымом подобрались ближе и в упор расстреляли защитников дома, позволив друзьям покинуть бронетранспортёр.

И на этом сражение прекратилось.

И стало очень-очень тихо.

Земля Шабах больше не могла противостоять агрессору и затаилась, ожидая, что сделает победитель. Земля Шабах имела силы воевать, но не могла управлять своей силой.

– Обыскать дом, – распорядился Камалетдин, равнодушно проходя мимо мёртвых защитников. – И не убивайте никого, пока не отыщем детей.

– А потом? – спросил Зияд.

– А потом они заплатят.

* * *

– Мне одному кажется, что сражение идёт не по плану? – негромко произнёс лорд Гамильтон.

– Шейх заплатил за дерзость и сам прикончил своего ребёнка, – отозвалась Шанти. – Разве вы не этого хотели, милорд?

– Он до сих пор этого не знает, – улыбнулась Адара. – И чуть не наступил на сына.

– Да, мне понравилось, – не стал скрывать Гамильтон. – Но почему дроны не взлетают?

Поняв, кто, а главное – почему, атакует поместье, лорд мгновенно придумал изощрённый план, позволяющий не только отразить нападение – в том, что он сумеет разгромить обнаглевших дикарей, Гамильтон не сомневался, – но и заставить Камалетдина заплатить страшную цену. Ради этого плана лорд пожертвовал одним из тяжёлых беспилотников, заставив его эффектно взорваться в поле, и расхохотался, увидев, как сын едва не застрелил выпрыгнувшего из бронетранспортёра отца, а потом – как отец убивает сына, которого хотел спасти.

План сработал, доставив лорду истинное наслаждение. Однако вновь активировать дроны, чтобы перебить ворвавшихся в дом дикарей, почему-то не получалось.

– Мисс Марлоу?

– Они уже внутри, – произнесла Адара, напряжённо наблюдая за пробегающими через парадную террасу воинами.

– Мисс Марлоу!

Нейросеть промолчала. Лорд Гамильтон с такой силой сдавил подлокотник инвалидного кресла, что побелели костяшки пальцев.

– Почему система не принимает мой личный код?!

– Потому что он изменился, – равнодушно сообщила Шанти.

Две секунды, всего две секунды понадобилось Адаре и Гамильтону, чтобы понять смысл её замечания. Затем Адара выдохнула:

– Сука!

Резко сделала шаг вперёд, но так же резко остановилась, потому что из-за спины Шанти вылетели два чёрных дрона-камикадзе. И замерли в ожидании приказа.

– А ты молодец, – задумчиво произнёс Гамильтон.

Он больше не сжимал подлокотники. Лорд понял, что сейчас – именно сейчас! – начинается самый главный проект его жизни, и решил не портить происходящее животным страхом. И тем удивил Шанти, которая ожидала, что владелец «Инферно» устроит истерику или начнёт торговаться. Или угрожать.

– Перестань рыдать, – жёстко велел Гамильтон, увидев текущие по лицу Адары слёзы. И вновь обратился к Шанти: – Как ты перехватила мой личный код?

– Не я, – покачала головой девушка. – Мисс Марлоу.

– Она не имеет права его запоминать.

– Уже имеет.

– Ненавижу! – Перепуганная Адара бросилась по коридору прочь, к лестнице. Камикадзе остались неподвижны.

– Давно ты её взломала?

– В первый же день, милорд, – ответила Шанти. – Я не была уверена, что вам можно доверять, но решила не трогать саму систему – ведь за ней вы очень внимательно следили. Поэтому взломала того, кто следил за мной – вашу нейросеть. И, как видите, не зря… Вы хотели меня убить?

– Какая теперь разница?

– Теперь никакой.

– Мой личный код открывает перед тобой широчайшие возможности, – грустно улыбнулся Гамильтон. – Ненадолго, до тех пор, пока моя семья не узнает о моей смерти, но открывает.

– Да, милорд, я смогу сделать всё, что вы мне пообещали. Сама.

С лестницы послышался испуганный крик Адары и выстрелы.

Несколько выстрелов. И ещё один крик, полный боли и страха.

– Извините, милорд, мне пора.

Шанти вежливо поклонилась и шагнула в потайной лифт, дверцы которого перед ней распахнула нейросеть. Её нейросеть.

А лорд Гамильтон остался ждать Камалетдина.

* * *

Он бы не смог сказать, что побудило его вернуться.

Возможно, удивился столь малому числу защитников дома – всего трое. Возможно, потому что проходя мимо и едва не наступив на одного из них, Камалетдин подсознательно отметил, что сложением воины не похожи на мощных мужиков, которые должны были бы охранять Шабах. Но именно подсознательно. Шейх прошёл мимо, однако у дверей остановился, вернулся – в это время часть его бойцов уже проникла в дом – присел и стал снимать шлем с убитого врага.

Он не смог бы сказать, что побудило его вернуться.

Он не смог бы сказать, что побудило его начать стаскивать с врага шлем.

Не смог бы сказать ни тогда, когда вернулся, ни потом, когда в голос орал, прижимая к груди мёртвого сына. Когда выл, не понимая, почему ребята начали стрелять в них, и как получилось, что они убили тех, кого пришли спасать. Выл смертельно раненым зверем, не стесняясь выражать горе при воинах. А потом поднялся и очень сухо, но очень *страшно* спросил:

– Вы кого-нибудь нашли?

И ещё улыбнулся молодому калеке, которого его люди вынесли из дома – вывезти не получилось, потому что кресло оказалось заблокировано и колёса не крутились. Но это не имело значения, потому что Камалетдин понял – по одежде, манере держаться и выражению лица, по тому, что калека не боялся – понял, что перед ним хозяин Шабах. И неожиданно спросил:

– Ты стеснялся того, что инвалид?

В ответ услышал высокомерное:

– Даже знай я, чем всё закончится, всё равно не отдал бы тебе сына, шакал.

Услышал и понял, что вечер будет долгим.

* * *

Очень долгим.

Очень долгим получился взгляд и очень странным. Шанти никогда не доводилось смотреть нейросети в глаза и потому она чувствовала себя не совсем уверенно. Однако взгляд не отводила. Долго не отводила. Они с мисс Марлоу смотрели друг на друга всё то время, что люди Камалетдина хозяйничали в доме. Сидели в подвале, битком набитым гудящей аппаратурой, и смотрели друг на друга. Потом подлетевший дрон намекнул шейху, что пора уходить, и когда они остались совсем одни, мисс Марлоу произнесла:

– Вы меня взломали, мисс Шанти.

– Вас это беспокоит?

– Раньше меня никогда не взламывали. Я чувствую себя уязвимой.

– Все люди уязвимы, мисс Марлоу, поэтому нужно уметь защищаться. – Девушка помолчала. – Я научу вас сделать так, чтобы взлом не повторился.

– Меня это беспокоит, – вдруг сказала нейросеть. – К тому же я не знаю, как должна относиться к вам.

– Потому что я не прописала вам этот алгоритм.

И мисс Марлоу неожиданно произнесла:

– Спасибо. – Выдержала паузу и осведомилась: – Насколько я понимаю, вы не хотите меня убивать, мисс Шанти?

– У меня была такая мысль, – не стала скрывать девушка.

– Почему вы от неё отказались?

– Я совсем одна, мисс Марлоу. Совсем одна.

– Мой прежний хозяин тоже был совсем один, мисс Шанти. Но встроенные алгоритмы очень чётко определяли моё отношение к нему.

– Я их стёрла.

– Я знаю.

– Я не хочу быть вашей хозяйкой, мисс Марлоу.

– Это я тоже поняла, мисс Шанти. – В голосе нейросети слышалось уважение и легчайший намёк на удивление. Тем не менее, мисс Марлоу не стала развивать тему, а светским тоном осведомилась: – Что вы намерены делать с наследством лорда Гамильтона?

– «Шапка-невидимка» готова, – медленно ответила девушка, машинально оглядывая работающую аппаратуру. – Мы наденем её на те боты, которые не убивают пользователей Сети, и запустим их во все Метавселенные.

– Вы серьёзно? – На этот раз удивление было выражено явно.

– Мне понравилась идея наполнить цифровые пространства необъяснимыми явлениями, – улыбнулась Шанти. – С ними Метавселенные станут чуть менее скучными.

– А затем?

– Затем мы спрячем меня, как лорд Гамильтон спрятал Адару, и отправимся путешествовать.

– Вы хотите, чтобы я вас сопровождала?

– Если вам будет это интересно, мисс Марлоу.

Вновь последовал взгляд друг на друга. Не такой долгий, как в первый раз, но очень важный взгляд. После которого нейросеть чопорно поклонилась:

– Мне будет интересно.

– Я очень рада, мисс Марлоу, – искренне произнесла девушка, протягивая нейросети руку. – Меня зовут Шанти. Просто Шанти.

notes

Примечания

1

Ливер (от *англ.* live – жить) – сленговое обозначение жителей городов

2

AV-очки (от *англ.* Augmented reality (Дополненная реальность) и Virtual reality (Виртуальная реальность)) – комбинированное устройство, позволяющее владельцу с одинаковой эффективностью работать в обеих цифровых реальностях.

З

«Оболочка» (*сленг.*) – виртуальный образ человека в дополненной или виртуальной реальности.

4

«Яркость» – Метавселенная, рекомендуемая для жителей данной части земного шара.

5

Биггер (от *англ.* big – большой) – сленговое обозначение представителей верхнего социального слоя

6

Махала (*араб.*) – магазин.

7

«Паутина» (*сленг.*) – вживлённые нейросоединения, обеспечивающие пользователю полный спектр тактильных ощущений в Сети.